

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Обзор Александра Ильинского

В этом обзоре, ни в какой мере не претендующем на полноту охвата и характеристики творческих замыслов и всего литературного наследия Брюсова, мы ставили перед собою одну основную задачу: осветить читателю, хотя бы и знакомому с Брюсовым—поэтом и беллетристом, его творческий путь на анализе неопубликованных материалов, а также на обзоре текстов напечатанных им книг при сопоставлении их с текстами повторных изданий, или выпущенных Брюсовым или подготовленных им к печати.

Литературное и научное наследие, оставленное Брюсовым, включает в себе огромное количество еще неопубликованных рукописей.

В его архиве находятся планы и программы задуманных им литературных произведений, разнообразные наброски и фрагменты стихотворений, рассказов, повестей, романов, иногда по два-три варианта на одну и ту же тему; здесь встречаются и почти законченные произведения, по тем или иным причинам не опубликованные при его жизни.

Однако, большинство из этих рукописей носит на себе следы своеобразной манеры Брюсова, выработанной им для беглой записи своих мыслей: разборчивые и удобочитаемые вначале, они, слово за слово, строка за строку, становятся все скупее в своем письменном изображении, и под конец фразы в них часто превращаются в отдельные начальные и срединные буквы слов (в большинстве согласные звуки слов), по которым можно восстановить фразу только при тщательном изучении или глубоком знании манеры письма Брюсова.

В этом отношении неоценима работа И. М. Брюсовой, благодаря которой одни из рукописей уже разобраны и частично публикуются, другие постепенно расшифровываются, систематизируются и приводятся в порядок.

1. ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ БРЮСОВА

1

Ребенком, едва только выучившись писать, Брюсов уже начал сочинять стихи, рассказы и, как он сам важно называл тогда, «научные» статьи, тщательно записывая все это еще «печатными» буквами.

Много было сочинено им до поступления в гимназию, а в гимназии, во втором-третьем классе, он, тринадцатилетний мальчик, занят уже редактированием рукописного журнала «Начало», целиком сочиняя его. В 1887 г. он заводит первую тетрадь своих стихов с различными прожками названиями, вроде: «Рай Шидеда», «Гибель троянцев», «Из трагедии Ксеркса» и т. п.

«Совершенно невозможно перечислить всех работ, проделанных юношей Брюсовым, помимо школьных. Если бы напечатать все сохранившиеся детские

сочинения, то это составило бы целые томы», — так И. М. Брюсова характеризует литературное наследие поэта, относящееся только к его школьным годам¹.

Прошли школьные годы. Брюсов уже твердо определил свой путь в жизни — путь поэта, литератора, критика, ученого. Началась жизнь, заполненная неустанной, напряженной творческой работой над собой, над осуществлением своих литературных замыслов, над пополнением своих знаний, над глубоким постижением техники писательского дела.

«Так много планов, так много замыслов передо мной! Чтобы исполнить все, — конечно, жизни нехватит...» — пишет Брюсов одному из своих друзей в 1897 году.

Однако, страстно любящий свое дело Брюсов не боится ни количества задуманных работ, ни грандиозности их масштаба. Исключительная способность быстро ориентироваться и быстро работать помогает Брюсову, обладающему к тому же колоссальной памятью, осуществить многие из его творческих планов.

Мир творчества, разнообразного, многогранного, становится обычным миром Брюсова.

«...дело в том, что я так привык к миру начатых работ (из которых девять десятых не будут кончены), что не могу вообразить себя занятым чем-нибудь одним, — говорит о своей работе Брюсов. — Устал я переводить, бросаю Вергилия, забываю об нем, — пишу трагедию; потом зовут меня обедать; возвращаясь, я критикую наших поэтов, — но когда вернется настроение, я опять возьмусь за трагедию и буду продолжать диалог с полуслова так же свободно, как если б перерыва не было. Так я живу в мире моей поэзии, и только так могу я жить в окружающем меня мире...»².

Оставленные Брюсовым рукописи лучше всего подтверждают эти слова: он умел излагать свои мысли, умел глубоко познать и искренно чувствовать все, что начинал писать, умел экономить время и организовать себя для своей работы.

2

В собрании рукописей Брюсова хранится среди других одна ученическая тетрадь: «Тетрадь ученика VIII-го класса Валерия Брюсова», с сочинением, поданным им преподавателю русского языка — директору гимназии Льву Ивановичу Поливанову.

Задано было сочинение на тему «Гораций».

Брюсов написал весьма занимательный рассказ из римской жизни времен Августа. Этому сочинению он предпослал «объяснение».

Чрезвычайно характерно для Брюсова, что уже в те годы он счел нужным сделать к своему сочинению предисловие, в котором старался указаниями на подлинность источников замаскировать «вольность» сочинения, касающегося вопросов любви. А к тому же и вопросы эти трактовались у Брюсова по Овидию, в духе его знаменитого «*Ars amandi*».

Указав сначала, что достать нужных материалов к сочинению не удалось и что «за неимением материала он ухватился за первый попавшийся сюжет», Брюсов пишет далее: «Целью моей была характеристика участвующих лиц (во-первых, конечно, Горация), а вовсе не решение поднятых вопросов».

При этом я старался рисовать не столько римлян, сколько вообще людей.

Почти все слова Горация и Овидия взяты из их произведений (из Горация я имел в виду, главным образом, те из его произведений, которые есть в издании Модестова, а из Овидия — «Тристия» и «*Ars amandi*»). Цитаты могли бы облегчить меня, но я не смел их себе позволить, так как многие ссылки взяты из вторых рук.

В заключение несколько слов о стихотворных отрывках, которые попадают в сочинении. Переводя их, я старался приспособляться к латинским метрам,

но делал это больше ради опыта. Я не поклонник переводов размером подлинника. Каждый язык имеет свое собственное стихосложение, и размер, мягкий на одном языке, может оказаться грубым, если его перенести на другой. Вообще, на мой взгляд,— заканчивает Брюсов предисловие,— перевод поэтического произведения (особенно это заметно в лирике) имеет целью вызвать то же впечатление, как и подлинник, а не ознакомиться с ним, что невозможно».

Дальше следовал план сочинения, в котором Брюсов, с одной стороны, как бы иронизировал над установленными в школьных сочинениях канонами плана, а с другой — разбивал эти каноны, строил план по-своему:

«План сочинения

В начале вступление; в конце заключение

1. Мнение о войне
2. Мнение об Августе
3. Мнение о счастье и о золотой середине.
4. Мнение о поэзии. А. Определение поэзии

В. Современное положение ее.

5. Взгляд на самого себя.

Кроме того, по сочинению разбросаны и мнения о других вещах (о любви о политике etc.)».

Лев Иванович Поливанов, оставив план, несмотря на то, что он совершенно не соответствовал школьным канонам, зачеркнул синим карандашом «объяснение», считая, вероятно, его неуместным, а в конце сочинения, не выставив в тетради никакого балла, написал: «Подобные сочинения должны быть частными занятиями, которым нельзя не сочувствовать, но нужно упражняться в сочинениях школьных, которые имеют свои требования, для вас очень и очень не бесполезные».

А в журнале Брюсову за сочинение была поставлена отметка 5³.

3

Приведенное нами предисловие включает в себе некоторые положения, намечающие творческий облик будущего Брюсова. Уже за школьную скамьей, берясь за какую-либо тему, Брюсов старается глубоко проникнуть в ее сущность и всегда стремится подобрать для этой цели подлинный и доброкачественный материал.

Предисловие интересно для нас и с другой стороны: в нем ясно выражено стремление Брюсова к критическому анализу материала и к выработке самостоятельных взглядов в ряде вопросов, связанных с вопросами литературы. Так, говоря в своем сочинении о литературном воплощении исторических образов (в данном сочинении — римских граждан), Брюсов, по его выражению, «старался рисовать не столько римлян, сколько вообще людей».

Касаясь же переводов стихотворных отрывков, использованных в его школьном сочинении, Брюсов не упускает случая высказать свои собственные соображения по поводу того, чем может и должен быть перевод подлинника.

4

В маленькой записной книжечке бледнозеленого цвета Брюсов в 1908 г. набросал свои замыслы — «Intentions 1908.—1909».

Перечень замыслов, занимающий 13 страничек, разбит им на разделы в соответствии с тем, в какой литературной форме должен был быть воплощен тот или иной замысел, а каждый раздел, в свою очередь, заключал в себе целый ряд уже определенных тем,

Разделы носят наименования: «Романы», «Драмы», «Большие исследования», «Рассказы», «Статьи», «Мелкие статьи», «Переводы», «Литературная жизнь Франции» и «Поэмы».

Всего тем — 75:

Романы: 1. Семь смертных грехов; 2. У Николы на Курьих ножках; 3. Любовь матери и сына; 4. Между двумя. Повесть; 5. Перебежавший день.

Драмы: 1. Женщина с бичом; 2. Встреча в горах; 3. Фауст в Московии; 4. Драма счастья (напис. I сц.); 5. Кн. Обиденский (сокращ.); 6. Петр Великий.

Большие исследования: 1. Формы поэзии; 2. Литературные характеристики (*Vies imaginaires*); 3. Мистика с позитивной точки зрения.

Рассказы: 1. Ожившие машины; 2. Бред; 3. Ночное путешествие. Эпизод — напис.; 4. Путешествие в бывший Эдем; 5. Сомнамбула, как на гравюре; 6. В Анконе. Проститутка. Ребенок-звереныш; 7. Свадьба Данте; 8. Путеводитель по Марсу; 9. Семья (сестра, сумасшедшая мать, etc. Петр); 10. Две жизни.

Статьи: 1. Ответ критикам; 2. О кн. Вяземском; 3. О К[аролине] Павловой (перераб.); 4. Понимаем ли мы Пушкина; 5. Суждения Пушкина о иностранной литературе; 6. Пушкин и итальянский язык — нап.; 7. Медный всадник — нап.; 8. Русалка; 9. П[ушкин] и ит[альянский] яз[ык]; 10. Поэзия и Наука = R. Ghil. P[русская] м[ысль] — исп.; 11. Переоценка (Там прошлого нет и следа. И пусть у гробового входа. Басня); 12. Испепеленный — нап.; 13. Что мы сделали; 14. Сивиллинские книги.

Мелкие статьи: 1. Для крит. обзор.; 2. Для Бартенева (о Корше) — напис.; 3. Заметки о Пушкине; 4. О Пантеоне — напис.; 5. О символизме. Для Олениной д'Альгейм — напис.; 6. О Rolland и Ghil (Р. Мысль) — напис.; 7. Научн. поэзия — напис.; 8. Жизнь слова; 9. Новое о романтике — напис.; 10. Символисты; 11. Завоевание земли; 12. Должна ли поэзия быть глуповата?

Переводы: 1. Франц. лирики — исп.; 2. *Vita nuova*; 3. Mallarmé; 4. Корабль Аннунцио (Шип[овник]); 5. Филипп II (Пантеон); 6. Коварство и любовь (Попов); 7. *Torquemada* (Южин); 8. *Xiphesus*; 9. *Le Ioris* (Попов); 10. Агриппа; 11. Литер. жизнь Франции.

Литер. жизнь Франции: 1. Rom. Rollan — исп.; 2. Renè Ghil — исп.; 3. Романтики — нап.; 4. Фр. язык; 5. Журнал (*M[ercur]e de Fr[ance]*), *Vers et prose, la Phalange*, Академия, *Nouvelles R. Fr.*, *Occident*, *Pan*, *Bandeaux d'Or*; 6. Два скептика (*R[emy] de G[ourmont]* и *A[natole] Fr[ance]*).

Поэмы: 1. Скорбь о погибшем городе; 2. Москва 1905; 3. Воскреш. силой любви; 4. Александрийский столп — нап.; 5. Я видел. Я читал. Я любил — чего хочу; 6. Даная; 7. Сотворение мира; 8. Даж-Бог.

Стихи:

Переводы — Еще Верлена

- « Верхарна
- » римск. поэтов
- » франц. поэтов — испол.

Ахиллес — Парису; «Наблюдения» сбор. стихов.

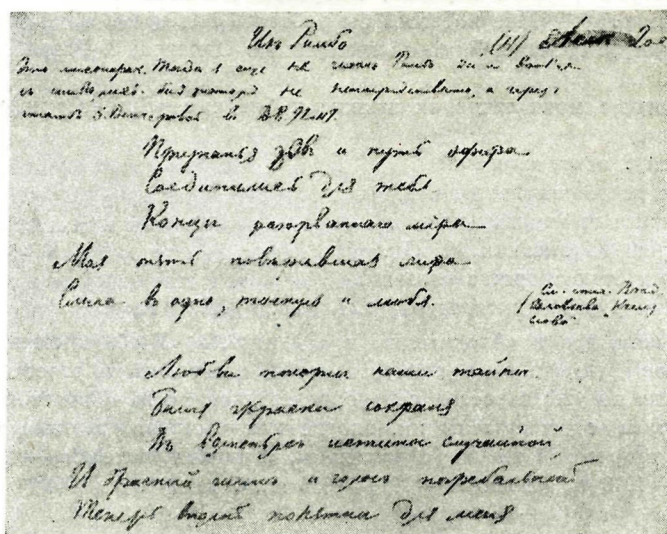
Вслед за этими девятью разделами Брюсовым набросан другой список его работ, среди которых только частично попадались здесь названия из первых девяти разделов. К тому же, большинство из намеченных здесь работ являлось уже законченным. Списку была предпослана лаконичная ремарка: «издать», что определяло характер этого плана работы Брюсова.

ИЗДАТЬ:

1. Все напевы (Пути, т. III) — исп.; 2. Поль Верлен; 3. Франц. лирики XIX века — исп.; 4. Елена Спартанская — исп.; 5. Огненный ангел т. II — исп.; 6. Огненный ангел изд. 2 перераб. — исп.; 7. Верхарн, изд. 2; 8. Антология римских поэтов;

9. Вехи ч. I теория; 10. Земная ось, изд. 2; 11. Филипп II; 12. Малларме — Pages; 13. H. de Regnier; 14. Erckm[ann] — Chatr[ian]; 15. A. Gide; 16. Nodier; 17. 2-е изд. V. Lisle-Adam — исп.; 18. В-й Брюсов; 19. Paradis Artif. (H); 20. Вехи II История; 21. Пушкин; 22. Медный всадник; 23. Ессе Homo Nietzsche; 24. Семь смертных грехов; 25. Между двух бездн. Книга лирики; 26. Литер. жизнь Франции; 27. Гоголь — исп.; 28. Наблюдения. Сб. стихов; 29. Спиритизм до Роч[естерских] стуков; 30. Биогр. Агр[иппы]; 31. Зеркало теней; 32. Из летних скитаний; 33. Песни человечества (Зеркало веков); 34. Письмовник (любовн.); 35. Соблазны; 36. Отрывки св[ой]х веш[ей]; 37. Забывши о пламенном чуде. Сб. раско.

За этим списком следует перечень рецензий, какие Брюсов имел в виду написать; затем идет перечень тем для отдельных журналов и газет; далее — план издания собрания статей — «Вехи» ч. I («Ключи тайн») и ч. II («Далекое и близкое»), план книги о Пушкине с набросанным тут же эскизом обложки.

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
О СТИХОТВОРЕНИИ «ИЗ РЫМБО» И О ПОМОТОЙ О ТОМ, ЧТО
СТИХОТВОРЕНИЕ ЭТО ЯВЛЯЕТСЯ МИСТИФИКАЦИЕЙ, 1892 г.

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Наконец, план издания: «Валерий Брюсов — Первое собрание сочинений».

Все собрание по этому плану разбито на четыре серии, при чем серия первая — четыре тома — собрание стихов; серия вторая — повести, рассказы, драмы — четыре тома; серия третья — статьи — четыре тома и серия четвертая — переводы — шесть томов. «Итого, — отметил здесь Брюсов, — пока 18 томов по 300—400 стр.»

5

Рассматривая детально перечень тем в первых девяти разделах, мы находим среди них такие, над которыми впоследствии Брюсов в разное время начинал работать. Против некоторых из этих тем имеются собственные пометки Брюсова, что они (темы) выполнены или вполне или частично, а иногда указано, что и опубликованы. Против многих других тем никаких пометок нет.

Однако, оставшиеся после смерти Брюсова рукописи говорят о том, что замыслы, записанные в маленькой зеленой книжечке, почти на всю жизнь оставались для Брюсова в той или иной степени интересными и актуальными.

Так, в перечне «Романов» значилось «Семь смертных грехов»; в «Драмах» —

«Женщина с бичом»; в «Больших исследованиях» — «Формы поэзии», «Мистика с позитивной точки зрения»; в «Рассказах» — «Ожившие машины», «Путеводитель по Марсу»; в «Статьях» — статьи о кн. Вяземском, о К. Павловой; «Пушкин и итальянский язык», «Медный всадник», «Русалка»; «Поэзия и наука» = R. Ghil, «Испепеленный» и т. д. и т. д.

Мы видим, что многие из поименованных здесь тем позднее были осуществлены Брюсовым и появились в печати. Другие остались в набросках и частью опубликованы после смерти Брюсова, частью остаются еще в рукописях.

Но еще любопытнее то обстоятельство, что план работ, записанный в 1908 — 1909 гг., включает в себе те заветные замыслы Брюсова, какие волновали его еще в гимназии и в университете и о которых он писал в своих дневниках в 1897 — 1898 гг.:

«Чем я занят теперь? — пишет Брюсов в дневнике 15 марта 1897 г. — ...предисловие к Истории русской лирики; ...перевод Энеиды... Задумано: ...«Атлантида»...». 1898 февр. 20: — «Мне хотелось бы работать над тремя трудами: 1. История русской лирики; 2. История Римской империи до Одоакра; 3. Разработка системы Лейбница.

Вместо того, в моих тетрадях жалкие и бледные «Литературные Опыты»...».

Авг. 15:

«Заняться с осени книгами:

1. Очерк всеобщей истории.
2. О запретных науках (магия).
3. Поучения (о письмах М. П.).
4. Учебник стихотворства (поэзия).
5. История русской литературы, т. I, вып. I (XVIII в.)»⁴.

И мы знаем, что и «Атлантида», и «Энеида», и «Учебник стихотворства», и многое другое, задуманное в ранней юности, оставались в заветных замыслах Брюсова, когда он уже завоевал себе определенное место в русской литературе, и были наконец осуществлены им, вполне или частично, позднее в различные периоды его творческой жизни («Атлантида», «Учители учителей» — 1916 г.; «Наука о стихе» — 1919 г.; «Энеида» — 1914—1915 гг., 7 книг)⁵.

6

Одним из заветнейших замыслов Брюсова на протяжении всей его жизни был замысел отразить как в стихотворной, так и в прозаической форме «Жизнь веков».

Так были им задуманы «Сны Человечества», так намечал он «Фильм веков», так хотел он в «Кинематографе столетий» видеть жизнь человечества «в подозрную трубу веков», чтобы воспринять и осмыслить «отражение времен».

«В «Снах Человечества» мне хочется представить душу человечества, поскольку она выражается в его лирике, — писал Брюсов в предисловии к задуманной им книге «Сны Человечества». — Это не должны быть ни переводы, ни подражания, но ряд стихотворений, написанных в тех формах, какие себе создавали последовательно века, чтобы выразить свои заветные мечты. Мне хотелось бы при этом слагать стихи не так именно, как слагали их первобытные люди, поэты восточной и античной древности, поэты Средних Веков, эпохи Возрождения и веков, следующих вплоть до нашего, поэты разных стран, Индии, Персии, Китая, Японии, Мексики, Малайского мира, — но так, как они хотели слагать стихи. В обладании всеми теми средствами, какие дает техника современной поэзии, я хотел бы досказать то, что они порывались выразить... Мне хотелось бы перенять не столько внешности различных образов лирики, сколько их дух...».

По мысли Брюсова, «в целом — Сны Человечества — должны были быть «хрестоматией всемирной поэзии».

Кроме схематического, но довольно обширного плана всего труда (в четырех выпусках), на семи страницах почтовой бумаги большого размера был разработан «подробный план издания» одного только первого выпуска этой книги, которая в подзаголовке определялась, как «лирические отражения всемирной истории»⁶.

Вслед за вступлением — обращением «К Музе, к певцам и поэтам всех времен, к людям, к будущему и о самом себе» — были намечены десять разделов, и — от «Песен первобытных племен» на различные случаи жизни, через «Отзвуки Атлантиды», через «Страну пирамид — Египет», «Ассииро-халдейскую клинопись», Финикию, от «Народов Иеговы», через «Землю чудес — Индию», Элладу и Рим — Брюсов «Первым лепетом христианства» заканчивал первый выпуск задуманного им большого — «можно сказать огромного» — труда, озаглавленного «Сны Человечества».

Осуществлять этот замысел Брюсов начал в 1912—1913 гг., в то время, как в его планах эта мысль занесена в той же самой упомянутой нами записной книжке, где в разделе «издать» под тридцать третьей записью значится: «Песни человечества (Зеркало веков)».

Для «Снов Человечества» Брюсов избрал стихотворную форму, а «Фильм веков», в который входило 66 картин из жизни народов разных времен и стран, он задумал осуществить в прозе⁷.

О том, чем должны были быть эти картины-рассказы, Брюсов дал обстоятельное объяснение, в котором подчеркивал, что, с одной стороны, он ставил своей задачей «достичь, чтобы каждая фигура, каждое описанное событие, все изображенные местности или здания вставали перед читателем движущимися, как в кинематографе, но и красочными, как на полотне художника; а, с другой стороны, строго ограничивая в этих рассказах пределы воображения, выдумки», утверждал, что все действующие лица его рассказов — «лица, действительно жившие, все рассказанные происшествия действительно имели место в прошлом: по крайней мере обо всех них сохранились свидетельства, признаваемые достоверными, и что сюжеты рассказов — действительные исторические события».

«Короче говоря, — писал Брюсов, — читатель, пробегая мои рассказы, может быть уверен, что перед ним — не «свободный вымысел» поэта, но — достоверные исторические факты, поскольку вообще могут быть достоверны наши знания о прошлом, тем более о столь отдаленном, как, например, события второго и третьего тысячелетий до Р. Х.».

Некоторой иллюстрацией к тому, как Брюсов выполнил бы в действительности этот план своих замыслов, могут служить наброски, фрагменты и почти законченные его произведения, уже опубликованные в «Неизданной прозе» Брюсова («Юпитер поверженный», «Обреченные», «Жизнь Вергилия» и др.)⁸.

7

Брюсов с давних пор ставил перед собою задачу разрешения проблемы научной поэзии. Эта мысль, зародившаяся у него, конечно, не без влияния Малларме и Рене Гийя, неоднократно претворялась им в ряде высказываний теоретического характера и наконец завершилась выпуском стихов «Дали» в 1922 году.

В предисловии к этой книге Брюсов подробно развивает свои взгляды на научную поэзию и стихами, собранными в «Дали», как бы осуществляет на практике свои давние творческие замыслы.

Подтверждением тому, что замыслы эти действительно долгое-долгое время вынашивались Брюсовым, служат и задуманные им «Сны Человечества» и запись, еще более раннего происхождения, в Intentions 1908—1909 гг., где в разделе «Статьи», как мы уже говорили, Брюсовым была намечена тема «Поэзия и наука = R. Ghil».

Разрешение указанной проблемы Брюсов не ограничивал сферой «поэзии» в узком понимании ее, как поэзии, выраженной в стихотворной форме. Эта задача

распространялась безусловно и на художественную прозу: в «Фильме веков» Брюсов выступал, как поэт-историк.

Не искажая ни исторической перспективы, ни образов действующих лиц, ни действительности событий, Брюсов хотел, при изображении прошлого, «придать образам и картинам столько живости и яркости, сколько в силах придать им художественное слово»⁹.

Таким образом, замысел «Фильма веков» был связан с разрешением проблемы научно-исторических художественных романов и рассказов.

Круг научных тем не был ограничен только историей. Астрономия и даже чистая математика, которую Брюсов так всегда любил и занятиям которой посвящал свои кратковременные досуги, — и эти науки включил Брюсов в свои художественные творческие замыслы.

В его рукописях остались наброски научно-фантастических рассказов, как, например, «Экспедиция на Марс». На четвертушке писчего листа бумаги Брюсов делает для себя расчет, согласно которому выходит, что для перелета с Земли на Марс в 60 дней надо лететь со скоростью 41.000 км. в час.

Затем Брюсов набрасывает интереснейший художественный очерк этого путешествия — дневник одного из участников экспедиции с предисловием от издателя, в котором он, между прочим, пишет:

«...дневник тов. Марли содержит описание всего хода экспедиции, начиная со дня отбытия ее с Земли до того дня, когда междупланетный корабль вновь должен был опуститься на ее почву; вместе с тем, дневник этот изложен с самой широкой обстоятельностью, переходя во многих частях как бы в художественное повествование.

Известно, что тов. Марли был единственным членом экспедиции, которому суждено было предпринять обратный путь на Землю, после того как все трое исследователей сравнительно благополучно вступили на негостеприимную почву Марса. Но трагический конец ждал Марли, так сказать, у самой пристани. Спуск на Землю первого междупланетного корабля оказался неудачным; вместо того, чтобы, медленно опускаясь, вознестись в почву своими острыми «якорями», — как то неизменно удавалось при пробных спусках и как то было достигнуто при спуске на Марсе, — корабль ударился с еще довольно значительной скоростью о землю своим боком, что скорее походило на падение, чем на спуск. Оно было так сильно, что корабль дважды подскочил, снова ударяясь о землю, как резиновый мяч. Вдобавок, от сотрясения внутри корабля произошел частичный взрыв, в силу смещения разных, находившихся там, химических элементов. В результате весь снаряд оказался страшно изуродованным, а все содержимое каюты частью уничтоженным, частью разбитым вдребезги. Тело несчастного тов. Марли представляло обугленную массу мяса и костей.

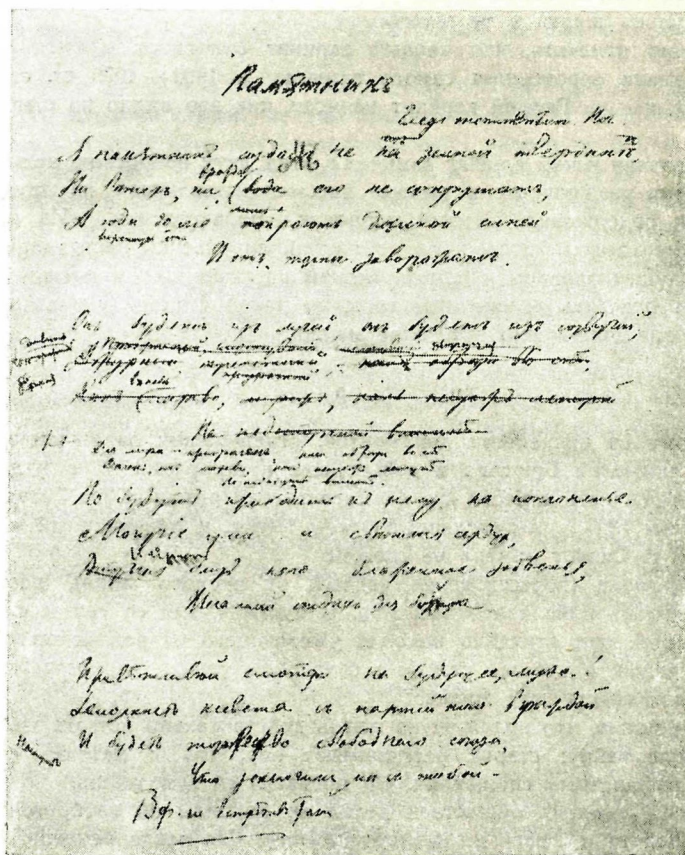
Все, что уцелело от этой катастрофы, было с величайшей тщательностью рассортировано, при чем удалось отделить от обломков разбитых инструментов и утвари скудные остатки коллекции, минералогической и ботанической, собранной исследователями на Марсе; несмотря на жалкий вид этих остатков, надеются, что они дадут драгоценный материал для выводов о строении почвы Марса и о растительности на нем. В более счастливом положении оказались рукописи исследователей, т. к. шкаф, в котором они лежали, был в числе уцелевших от взрыва. Эти рукописи, — содержание которых указано выше, — и послужат основными документами, по которым будет возможно восстановить всю картину экспедиции и использовать наблюдения и открытия, сделанные смелыми исследователями...».

Вслед за этим вступлением идет предисловие редактора, а затем 11 страниц интереснейшего повествования о Марсе.

Наброски «Экспедиция на Марс» относятся к 1919 г., а тема этого рассказа уже упомянута в записках 1908 г., где в перечне «Рассказы», как мы видели, записано: «Путеводитель по Марсу». Та же тема, в несколько ином разрезе, разработана в романе «Гора Звезды», написанном в 1895 году.

К такому же типу научно-фантастических художественных рассказов нужно отнести и два наброска: «Мятеж машин» и «Восстание машин» (ранний вариант той же темы). В последнем в форме письма к другу, очевидец рассказывает о своей жизни, жизни простого обывателя, и о великих событиях, последовавших за восстанием машин. В наброске увлекательно повествуется о начале этого восстания.

Человек в описываемую автором эпоху пользовался всеми благами современных машин. Машины обслуживали все нужды людей. Стоило нажать определенную кнопку или повернуть известные рукоятки, и появлялось все необходимое

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА
«ПАМЯТНИК», 1894 г.

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

человеку: огонь, тепло, холод, горячая вода, пар, свет и т. п. Одним словом, обслуживание нужд человека во всех видах его быта было механизировано. И вдруг произошло восстание машин: они отказались от подчинения человеку. Больше того, всякое прикосновение к кнопкам, рычагам и другим частям управления несло за собой моментальную смерть. Так началась великая катастрофа, о которой рассказывает очевидец.

Подзаголовок к наброску «Восстание машин» — «Из летописи ***-го века» — и весь стиль письма как бы говорят о той отдаленной эпохе, когда произошло все это. Читая первые строки, невольно вспоминаешь Вергилия — начало второй

песни, рассказ Энея: «Infandum, regina, iubes renovare dolorem» («Невыразимую скорбь обновить велишь ты, царица»).

«Уступаю твоей настойчивости и приступаю к описанию чудовищных событий, пережитых мною и похоронивших мое счастье... Как ни тягостно мне вспоминать те дни, подобные кошмарному бреду, дни, отнявшие у меня всех, кого я любил, и превратившие меня самого в калеку, — я все же буду писать, беспристрастно изображая все, что сам наблюдал и об чем слышал от очевидцев» (Брюсов, Восстание машин).

Во втором наброске — «Мятеж машин» — изложена только вводная часть к рассказу (которой в первом варианте нет), ибо, по мнению автора, чтобы понять ход событий, которые будут рассказаны, «надобно ясно представить себе всю организацию жизни в ту эпоху».

Интересно отметить, что первый вариант относится, примерно, к 1908 г., т. е. ко времени зарождения самого замысла: в 1908 — 1909 гг. значится тема «Ожившие машины». Второй вариант написан, как это видно из самого рассказа, в 1915 году.

Устанавливая некий единый замысел в этих двух набросках, нельзя не видеть в то же время различия их в манере письма, вытекающей из двух различных предпосылок содержания. Первый набросок — подзаголовок «Из летописи...» — по содержанию полон бытовых подробностей, лирических настроений. Во втором наброске, с подзаголовком «Фантастический рассказ», автор прежде всего хочет тот же факт осветить изложением того, на какой ступени развития было человечество, когда произошло восстание машин.

9

К одному из ценнейших документов, освещающих зарождение и развитие творческих замыслов Брюсова и дальнейшее претворение их в художественных образах, должен быть отнесен его фантастический роман «Гора Звезды», написанный им осенью 1895 г., переделанный летом 1898 г. и законченный в новой обработке в 1899 г. Сюжет романа не сложен.

Герой романа (повествование ведется от первого лица), разочарованный жизнью, покидает цивилизованный мир. В пустыне, где со своим слугою-негром скитается герой, они случайно находят умирающего от ран человека.

Приведенный в чувство старик с отчаянием узнает, что раны его смертельны, и умоляет спасти ему жизнь.

Однако, поняв, что надежды на жизнь действительно нет, он завещает герою свою великую тайну: старик рассказывает ему, что с детства его увлекала мысль о межпланетных сношениях. Он посвятил ей всю жизнь.

В разных научных обществах делал он доклады об изобретенных им снарядах для полета с Земли на другую планету. Его везде осмеяли. Но небо, по его выражению, хранило награду его старости. На основании каких-то замечательных документов он убедился, что вопрос о межпланетных сношениях уже был разрешен именно жителями Марса. В конце XIII столетия нашего летоисчисления они послали на землю корабль. Корабль этот опустился в Центральной Африке. По предположению старика, на этом корабле были не путешественники, а изгнанники, дерзкие беглецы на другую планету. Они не занялись исследованием Земли, а постарались только устроиться поудобнее. Оградив себя от дикарей искусственной пустыней, они жили в ее середине отдельным самостоятельным обществом. Старик был убежден, что потомки этих переселенцев с Марса до сих пор живут в той стране.

Зная все это и не желая с кем-либо делиться успехом, старик сам отправился на исследование. Однако, нанятые им негры, как только он проник достаточно глубоко в пустыню, отказались повиноваться, разграбили караван, а самого старика бросили полумертвым.

Старик завещает довести до конца начатое им дело и, умирая, называет несколько цифр — широту и долготу той страны, где живут потомки жителей с Марса.

Старик умирает, а герой в тот же день к вечеру начинает предназначенное ему путешествие.

Преодолев невероятные препятствия, изнемогая от жажды, кинув все свое вооружение, герой вместе со слугою наконец достигает того места, где живет, воздвигнув Гору Звезды, это загадочное племя с Марса.

Неприветливо встретили тут чужестранца: героя связывают и бросают в тюрьму.

По законам коренных жителей Горы Звезды, каждый пришедший к ним извне мог у них быть только рабом. Чужестранцы же высокого происхождения подвергались казни.

Такая участь ожидала и героя, сказавшего, что он пришел с другой звезды, и назвавшегося царским сыном: не зная законов жителей Горы, он думал, что высокое происхождение даст ему соответствующее преимущество. Только мольбы о том, чтобы дали ему жить хотя бы в рабстве, спасли героя.

Тут начинается его тяжелая, беспросветная жизнь — жизнь раба.

Но вот, во время народного праздника, дочь царя, царевна Сеата, останавливает свой взор на белом рабе. В то время, когда носилки царевны поравнялись с толпой рабов, среди которых находился раб-чужестранец, царевна вдруг открыла розовые полы носилок и сделала знак остановиться. Раб-чужестранец «увидал бледное красивое лицо, большие черные глаза и прелестную руку». Царевна подозвала знаком надсмотрщика и что-то сказала ему...

Скрылись носилки царевны... Но участь белого раба решена. На другой день утром, когда он уже работал в кокосовом лесу, от царевны был прислан раб и передал надсмотрщику, от имени царевны, что она хочет, чтобы был прислан к ней белый раб. Чужестранца ведут в покои царевны. Прежде, чем ввести его к ней, две молоденькие рабыни приносят таз из цельной яшмы с теплой водою и, хохоча, начинают омыwać чужестранца. Потом на него накидывают особый короткий «полурабский» плащ, так как он был совершенно без одежды, и, осмотрев белого раба, девушки решают, что он достоин предстать пред светлые очи царевны.

Раба проводят в ее опочивальню. С того дня он становится приближенным Сеаты и ее учителем, так как своими познаниями в науках и искусстве он превосходит знатных жителей Горы.

Белый раб очарован царевной. Царевна, в свою очередь, благосклонна к нему. И, когда вскоре умирает царь, ее отец, и придворные готовят переворот, желая посадить на престол одного из знатных лэтеев, белый раб подымает восстание рабов, и они, под его водительством, защищая царевну, побеждают лэтеев. Однако, с гибелью лэтеев должна исполниться предначертанная гибель и самой Горы Звезды.

Гора опускается... Озеро, образовавшееся на месте «проклятой пустыни» постепенно закрывает ее своими водами. Когда же попружается и верхний этаж, где белый раб находится с Сеатой, они садятся в заранее приготовленный челнок, отрезают якоря и направляются в далекое плавание к берегам Земли, куда герой хочет перевезти прекрасную царевну погибшей Горы Звезды.

Но царевна умирает в пути.

И в тот час, когда Сеата умерла, он вдруг понял всю безмерность своей любви к ней. Ему оразу, как в блеске молнии, представились два существа: он до этой любви, и он, воскрешенный любовью. И, прикоснувшись к столь дорогому телу последним поцелуем, он медленно опускает его за борт...

В зеркале ручья герой романа видит свое отражение: длинные волосы по-прежнему смело падали на его лоб, на шею. Но они сверкали, как серебро. На

него из ручья смотрело лицо еще молодого человека, но с уже совершенно седой головой...

Прошлая жизнь была погребена под тихим снегом, а в новую он не верил..

И с ужасом увидел он, как много властной истины в том, что он всегда презирав..

10

Роман «Гора Звезды», начало написания которого, как мы сказали, относится к 1895 г., уже включает в себе некоторые из любимых тем Брюсова: темы «Раб», «Экспедиция на Марс», «Семь соблазнов» почти с очевидностью проскальзывают в романе.

Прошло шесть лет — и появляется стихотворение «Раб».

Прошло шестнадцать лет — и появляются в печати отрывки из романа «Семь земных соблазнов»¹⁰.

Прошло еще много лет, и Брюсов, возвращаясь к своим замыслам о путешествии на Марс и о «Восстании машин», опять набрасывает увлекательные строки фантастических рассказов.

Но, возвращаясь к этим темам, он каждый раз старается более глубоко осветить внутренний их смысл и каждый раз, принимаясь за работу, он подкреплен новыми знаниями, новыми идеями, новым запасом творческих возможностей. Старая тема приобретает новые очертания как с внутренней, так и с внешней стороны. Единство содержания и формы нераздельно сопутствует творчеству Брюсова.

В свою очередь, работа над самым произведением приводит Брюсова к ряду мыслей теоретического характера, в результате чего он делает отдельные наброски, а часто и заканчивает целиком теоретические выводы из проработанных тем.

Так зарождается его большая (неизданная) статья «Пределы фантазии» (в художественных произведениях), в которой Брюсов стремится определить и обосновать те приемы, какие нужны для изображения явлений «фантастических», т. е. явлений, подчиняющихся иным законам природы, нежели те, которым подчинен наш мир («Пределы фантазии», 1912—1913).

Выявляя приемы для такого рода литературных произведений, Брюсов в своей статье анализирует реальную сущность этих приемов, которая не должна противоречить научной истине. Разбирая, например, тему межпланетного путешествия, как она использована в литературе, Брюсов одновременно разбирает вопрос и о тех аппаратах, какие должны быть сооружены для подобного путешествия.

11

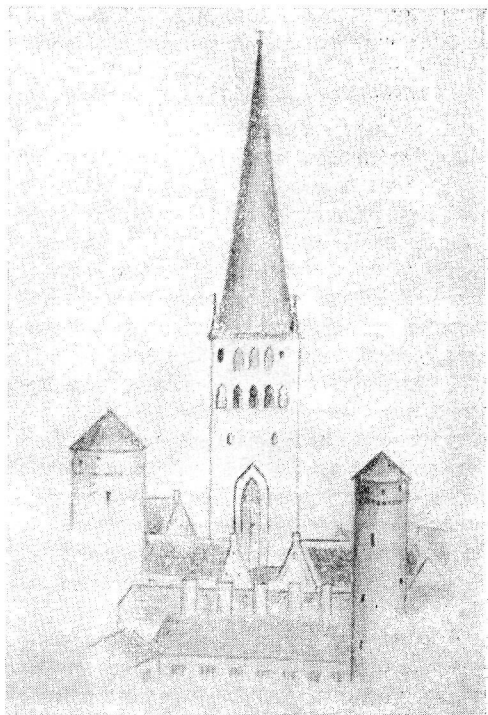
Брюсов успел закончить и опубликовать только отдельные отрывки первой части задуманного им романа «Семь земных соблазнов» — «Богатство».

Первоначальная запись замысла значителен, как мы видели, в 1908—1909 гг.: «Семь смертных грехов».

В 1910 г. в планах роман сначала озаглавлен «Семь земных искушений». Это заглавие зачеркнуто и сверху надписано: «Семь соблазнов», а затем в наброске обложки, нарисованной самим Брюсовым, он написал: «Валерий Брюсов, Семь земных соблазнов. Повесть в семи частях из жизни будущего. Москва, 1910».

В тогда же набросанном плане романа части его, после долгой переработки, были озаглавлены: 1. Богатство; 2. Сладострастие; 3. Опыянение; 4. Жестокость; 5. Война (Мсть); 6. Власть и 7. Слава. Против каждой из записей указывалось: Под знаком — 1. Меркурия, 2. Венеры, 3. Луны, 4. Сатурна, 5. Марса, 6. Юпитера и 7. Солнца.

РИСУНОК ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА:
РЕВЕЛЬ, ЦЕРКОВЬ ОЛАВ, 1900 г.
Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Имеются схематические наброски содержания отдельных частей. Брюсов указал тут же и развязку романа: «Кончается все грандиозным восстанием. Революция».

Два незаконченных наброска: 1) «Путешествие принца Бен-Игна в княжество Полнощного Успокоения и во град Благонамеренности, описанное его воспитателем» и 2) «Принц Жу-Ан-Жу-Ан Дун-Сан-шенский» являются вариантами одной и той же темы, а по своему содержанию и по характеру изложения, а также и по времени написания, с некоторой вероятностью, могут быть отнесены к наброскам типа «Семи земных соблазнов». При первом варианте имеется краткая подневная запись того, что делал и что видел этот принц в течение шести дней своего путешествия (набросок сюжета).

В первоначальных набросках содержания «Семи земных соблазнов» имеется «Gula» — чревоугодие. В окончательном перечне заглавий Брюсов упомянул «Опьянение», при чем, повидимому, он имел в виду в этой части разработать тему «опьянение» в полном ее объеме, как «чревоугодие». Такое предположение вполне подтверждается одним из набросков заглавий, где рядом с грехом «пьянство» в скобках Брюсов прибавил «чревоугодие».

Оказывается, что эта тема, правда, в ином разрезе, интересовала Брюсова уже в 1901 г.: в этом году Брюсовым написан рассказ «Студный бог» (первоначальное заглавие — «Бог чревоугодия»).

Рассказ ведется от первого лица. Автор едет по железной дороге. С маленькой станции к нему в купе садится другой пассажир. После некоторого, обычного в таких случаях, молчания между спутниками начинается разговор.

Спутник был в таком состоянии, когда после долгого, может быть, многолетнего молчания, после привычки к лицемерным словам возникает жажда громко проговорить все то горькое о себе, что таил долго, в чем, пожалуй, и себе не признавался, и когда чувствуешь потребность высказаться, безразлично перед кем.

Тут, в рассказ спутника, Брюсов вкладывает автобиографические черты («Мои

родители,— говорит спутник,— воспитывались на Писареве. Я читал Дарвина, когда не знал еще ни одной молитвы. Наука, наука, положительное знание — я больше ни о чем не слышал мальчиком»).

Дальше, осведомившись о том, не бывал ли автор — его собеседник — в Тунисе, и получив отрицательный ответ, спутник начинает рассказывать о случае, какой произошел с ним в Тунисе при раскопках Карфагена. Наткнувшись на одну из древних могил, они вошли в могильник, где была надпись с заклятием: «Именем Таниты, нисходившей во ад, да будет мир мне погребенному. Да лежу я здесь тысячу лет и еще вечность. Ты же, о дерзкий, который читаешь эти слова, кони уж ни один человеческий глаз не должен видеть, да будешь проклят и на земле, и в недрах ее, где не едят и не пьют. Да не будет тебе солнце теплым. Да не держит тебя дерево на воде. Да не отходит от тебя ни на шаг демон мучительства, безобразный, беспощадный и не знающий слабости».

В могильнике, среди вещей, находившихся около мумии, был маленький идол, крохотное изображение бога Бэсса, пунического бога всех животных наслаждений, «студного бога». Начальник раскопок подарил этого идола нашему спутнику. И с тех пор его не покидает дух потревоженного им в могильнике пунийца. Он всюду, в образе студного бога, его преследует, совершенно лишает его воли, заставляет его сомневаться в истинности и всеисильности науки, в которой торжествует система, причинность, где все «почему» и нет тревожных «зачем».

Поезд подходит к какому-то маленькому полустанку. Спутники расстаются. На прощанье пленник студного бога дарит его автору рассказа.

«Сначала, было, я пробовал носить пунический идол, как брелок на часовой цепочке,— заканчивает автор свой рассказ,— но он оказался слишком велик. Тогда я его убрал в ящик письменного стола. С тех пор прошло три года. Ничего особо плохого со мной не случилось» (окончание по первому варианту).

Нет никакого сомнения, что рассказ «Студный бог» был предвозвестником повести Брюсова «Эули — сын Эули», написанной в 1909—1910 гг. и повторяющей основную мысль «Студного бога»¹¹.

Отзвуком этого рассказа является и неопубликованный рассказ Брюсова «Торжество науки — записки 3-го посещения Теургического института», в котором научная идея «воскресения прошлого» применена к человеческой жизни. Этот рассказ написан в 1918 году.

В одном же из последних стихотворений в 1924 г. — рукопись осталась на письменном столе Брюсова — он возвращается к вопросу, затронутому впервые в 1901 г.: закованный пристальным взглядом очковой змеи, пройдя через страну исканий, постигнув мудрости мудрецов тысячелетий, он приходит к разрешению вопроса причинности:

«Почему» превращается странно в «зачем»¹².

Так философские замыслы Брюсова упорно и длительно претворялись в жизнь.

12

В то время, как темы из древнеримской жизни являются любимым замыслом Брюсова со школьной скамьи до последних его дней, — совершенно случайными являются темы исторических рассказов, повестей, романов и драм из русской жизни.

В перечне драм 1908—1909 гг. значится «Петр Великий». Однако, никаких следов этой драмы в рукописях нет.

Остался только замыслом и роман о декабристах — «Записки А. Малинина», маленький набросок к которому сделан Брюсовым в 1901 г.¹³. Здесь же, в материалах к роману, сохранился интересный набросок старой Москвы: «Москва 1827 года. Много незастроенных пустырей, даже в центре города; иные здания в развалинах с 1812 года. Сплошныхстроек даже на главных улицах мало; дома отдельно друг от друга, обычно не более двух этажей; деревянные заборы,

крашенные охрой. Новый Большой театр, построенный архитектором Бове. Московский фонтан (Труба). Архитектура домов — неизменные колонны и треугольный фронтон. Магазины: Дёпре (винный погреб) на Петровке, галантерейный Розенштрауха на Кузнецком мосту; колбасный Монигетти в Газетном переулке. Кондитер Гуа на Кузнецком мосту. Напротив его ресторан Яра».

К разряду бытовых рассказов из русской жизни, носящих характер семейной хроники, предвестникам повести «Обручение Даши»¹⁴, нужно отнести и небольшой рассказ «Голубочки — это непорочность», в котором Брюсов, повидимому, хотел набросать эпизод из жизни своего деда по матери — Бакулина.

Рассказ в первых набросках написан в начале 1897 года.

Известно, что дед Брюсова по матери, Бакулин, писал стихи, басни, эпиграммы.

В светлый весенний день, в маленькой комнатке, через окно которой виднелись уродливые московские крыши, вдали нелепо рисовались главы собора, а у самого стекла мелькали голуби, — сидит в креслах дедушка.

Около него его внучка Анюточка. Старик грустит о деревне, где так хорошо весной. Грустит о том, что приходится в городе тянуть старость.

Внучка просит дедушку прочесть ей его стихи. После долгих просьб старик соглашается.

Анюта слушает, затаив дыхание. От шуточных произведений, эпитаграмм и басен старик незаметно переходит к своим любимейшим стихам, к тем, которые он писал еще юношей, почти шестьдесят лет назад, в дни Пушкина, Баратынского, Дельвига, Крылова.

Читая, он увлекается; его голова с седыми прядями волос гордо закинулась назад. Сухие руки часто поднимаются для угловатого, но смелого движения.

Воспоминания несут его к образу покойной жены. Одиночество сжимает сердце.

Простился я давно с надеждами живыми,
Теперь прощаюсь я с заветнейшей из дум,
Я расстанусь теперь с твореньями своими
И усыпить хочу свой беспокойный ум...

Растроганный вниманием внучки к его стихам, старик говорит ей: «Стихи все равно не умрут, хотя бы их и никто никогда не прочитал. Что написано, то навеки живо...».

Но минуты вдохновенной грусти внезапно нарушены: приходят две дочери дедушки, начинают засыпать его упреками.

Анюточку посылают отнести к дяде письмо. Анюта уходит.

И, очнувшись на Красной площади, где «в сочетании старины и новизны было какое-то несказанное обаяние, Анюточка чувствовала, что вся горечь, переполнившая ее детское сердце, куда-то уходила; даже образ дедушки бледнел и отступал; в душе были — мир и успокоение.

«Бедный дедушка! — думала Анюта. — Когда ты умрешь, твои дочери и сыновья разбросают дорогие тебе бумаги с твоими стихами; иные будут уничтожены, иные сохранит Верочка и будет, может быть, хранить долгие годы; потом и они там, затерянные, также пропадут, рассеются все... Исполнится ли твое чаяние и правда ли, что стихи все равно не умрут, хотя бы никто никогда не прочитал их?!».

Художественная проза никогда не имела доминирующего значения в творчестве Брюсова. Если у него и были такие крупные произведения в прозе, как «Огненный ангел» и «Алтарь победы», то, во-первых, они единичны, а, во-вторых, обладая безусловными достоинствами, они не заключали в себе явных признаков какого-либо нового направления художественной прозы.

Однако, анализируя творческие замыслы Брюсова, необходимо особенно подчеркнуть следующее в его прозаических набросках:

Тематически, может быть, не новые для нашего времени, они были больше чем смелыми в провидении новой техники.

Читая сейчас наброски фантастических рассказов Брюсова, мы находим их вполне современными. Мы не замечаем того, что написаны они много лет назад, ибо, с одной стороны, до сих пор остаются жизненными проблемы, затронутые Брюсовым, а с другой — эти проблемы разрешены у него как будто сегодня; как будто уже в то время, во время их написания, он вооружен был всеми достижениями современной нам техники.

Идеи Циолковского (межпланетные сообщения), вопросы телевидения и многое другое претворены Брюсовым в художественно-завлекательные, материально-конкретные образы тогда, когда еще эти идеи и вопросы были только «мечтою».

Брюсов, крепко вооруженный знаниями, обладая широчайшим научным кругозором, смело брался за эти темы.

И поэтому нас несколько не удивляет один из набросков Брюсова (1916): «Из бумаг неизвестного автора». Неизвестный автор, умирая, завещает Брюсову 19 портфелей, из которых каждый посвящен различным отраслям знаний, и озаглавлены они так: 1. Чистая математика (геометрические соображения. Опыт арифмологии. Геометрия линейных изображений); 2. Астрономия. Геология (невежество современных астрологов).

Дальше идут разные естественные науки, техника, история, языкознание, литература, поэтика и т. д., при чем во всем плане заметна целеустремленность на пересмотр «старых истин», на трактовку их в новом, сугубо позитивном освещении.

Несомненно, если бы Брюсов успел, все это было бы написано увлекательно, остро и по-новому освещало бы как тему, так и самого Брюсова — литератора, историка, ученого. Но Брюсов — поэт. Поэзии он отдал всего себя «безраздумно», в стихах он воплощал свои новые думы, тревожные, буйные, мятежные.

Октябрь застал Брюсова в расцвете его поэтического дарования.

Уже с конца 1917 г. Брюсов начал работать с советским правительством, вызвав этим бурю неподобания со стороны некоторых своих соотечественников.

Огромная общественная и научно-педагогическая работа заполняла всю жизнь Брюсова. Но он все же находит время для поэзии и, откликаясь на великие события, выпускает сборники своих новых стихов: «Последние мечты», «Такие дни», «Миг», «Дали», «Меа» (последний сборник, подготовленный самим Брюсовым к печати, вышел в день его похорон).

«Я считаю, — писал Брюсов в 1923 г., — что около 1917 года закончился один, совершенно явный, период как моей жизни, так и моих литературных работ. Нет сомнения, что я, как, конечно, и всякий сколько-нибудь мыслящий человек, не мало менялся за сорок с лишком лет своей жизни, так что и в том, что я писал до 1917 года, можно, при желании, усмотреть ряд «периодов». Но для меня столь же несомненно, что великие события конца 10-х годов, Европейская война и Октябрьская революция, побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение. Переворот 1917 года был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере, я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее. Сколько могу судить, это резким образом сказывается не только на том, что я писал после 1917 года, но и на том, как я писал. Все, написанное мною за последние пять лет, запечатлено в значительной мере иной «манерой», даже иной техникой, не говоря уже об том, что те мысли, которые мне хотелось выразить в эти годы, часто существенным образом отличаются от того, что высказывалось мною раньше»¹⁵.

Нет сомнения, что новое мироощущение Брюсова нашло бы отражение и в его прозаических художественных произведениях. Но он, к сожалению, не успел этого сделать.

В одном из писем Венгерова к Брюсову, относящемся к 1909 г., Венгеров писал (речь шла относительно статей о Пушкине):

«...Особенно меня прельщают «Отрывки неоконченных повестей». Очевидно Вы собираетесь воссоздать стройную картину слагавшихся, но не получивших окончательного воплощения творческих замыслов Пушкина. Тут, конечно,— можно сказать заранее — будет не мало смелых конъюнктур, но будет, вероятно, все это очень интересно».

Мы знаем, что Брюсовым действительно была написана и опубликована статья «Неоконченные повести (Пушкина) из русской жизни».

В ней Брюсов писал: «...Не считая «Арапа Петра Великого» и «Египетских почей», двух замыслов, принявших более или менее отчетливые очертания, мы знаем еще об одиннадцати повестях Пушкина, оставшихся, так сказать, в зародыше... Нет сомнения, что каждое из этих неосуществленных созданий Пушкина было им столь же любовно лелеяно, как и его другие, более счастливые замыслы. На основании сохранившихся «программ» и «планов» поэм и повестей Пушкина мы знаем, как подробно и основательно обдумывал он все свои произведения прежде, чем приступал к их словесной обработке. Мы в праве заключить по аналогии, что и те повести, от которых дошли до нас лишь отрывочные страницы и разрозненные главы, самому Пушкину представлялись хотя бы и «сквозь магический кристалл», но во вполне законченных формах. Там, где мы порою затрудняемся уловить даже основную идею рассказа, для Пушкина был целый мир,

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — СТУДЕНТ
Фотография 1897 г.
Собрание И. М. Брюсовой, Москва

полный разнообразных событий и населенный толпою людей, которым лишь та или другая случайность не дала воплотиться в художественных образах»¹⁶.

В значительной мере мы можем повторить эти слова Брюсова о пушкинском методе работы, о пушкинских замыслах в целом применительно и к самому Брюсову.

II. ИСТОЧНИКИ БРЮСОВСКОГО ТЕКСТА

1

В краткой автобиографии, составленной ко дню своего пятидесятилетия, Брюсов, между прочим, писал, что после появления первого маленького собрания его стихов в 1894 г. он регулярно стал печатать свои произведения и ежегодно выпускал «не менее как по книге, иногда по две, по три в год», так что к 1923 г. всех книг, появившихся с его именем, «насчитывалось (считая переиздания) около 30 или даже более».

Среди этих книг имеются сборники стихов и сборники рассказов, есть драмы, романы, научные исследования, собрания статей и длинный ряд переводов в стихах и в прозе.

«Написано мною гораздо больше, нежели собрано в книгах...» — тут же добавляет Брюсов¹⁷.

А в 1916 г., еще задолго до этих высказываний, Брюсов, в одном из писем в издательство «Парус», касаясь вопроса о своем сотрудничестве в журналах, подробно объяснял, что пишет он и что печатает:

«Вообще я пишу мало (сравнительно) такого, что редакторам журналов иметь желательно. Моя производительность в этом направлении никогда не может удовлетворить «спрос на мое имя», и ряду изданий я принужден отказывать... В то же время я пишу много и еще больше задумываю такого, что, как мне известно, покажется русским редакциям «не нужным». Не имея времени (а может быть, и мужества) работать над рукописями, которые пока нет надежды напечатать, я принужден свои самые любимые замыслы оставлять в набросках, в планах или прятать написанное к себе в стол»¹⁸.

Подтверждением этому служит бесчисленное количество различных набросков и планов, а иногда рукописей почти что законченных произведений, не опубликованных Брюсовым при жизни.

В первой части нашего очерка мы говорили о «творческих замыслах» Брюсова, наблюдая развитие некоторых из них на протяжении всей его литературной деятельности.

В этой, второй части мы даем — правда, весьма неполный — обзор преимущественно еще неопубликованного литературного наследия Брюсова, связывая, в силу общности анализа, материал обеих частей, без сомнения дополняющих друг друга, в одно целое и попутно выявляя на этом материале методы работы Брюсова.

Составление полной библиографии не входит в план нашего очерка, а касаться подробно всех рукописных материалов, оставшихся после смерти Брюсова, здесь, в кратком описании его литературного наследия, нет никакой возможности.

Если бы даже мы и пожелали сделать это, то в настоящее время мы не смогли бы выполнить такую работу, во-первых, потому, что еще не все рукописи разобраны, — разбор их представляет значительные трудности, и, несмотря на то, что в течение 13 лет со дня смерти поэта рукописи его разбираются, систематизируются и публикуются, все-таки большое количество их остается нерасшифрованным; а, во-вторых, потому, что и разобранные рукописи составляют сами по себе уже обширный по объему материал.

Поэтому нам приходится ограничиться более скромной задачей:

1. Описать и сделать краткий обзор рукописей Брюсова раннего периода — с 1881 по 1901—1902 гг.
2. Составить краткий перечень рукописей последующих периодов до смерти Брюсова, разбив эти рукописи по соответствующим разделам.
3. Изложить историю изданий избранного и полного собраний сочинений Брюсова по новым материалам архива Брюсова.

2

К одним из самых ранних рукописей Брюсова, находящихся в его архиве, относятся четыре, так называемые, общие тетради.

На первых листах этих тетрадей имеются надписи Брюсова:

В первой тетради, написание которой относится к 1891 г.: «Мои стихи. Сборник всех моих стихотворений и набросков с 1881 года. Валерий Брюсов. 1891».

Во второй (1891—1892): «Валерий Брюсов. Мои стихи. Собрание всех моих стихотворений с 1881 года, тетрадь вторая. 1891. Ховрино, 1892».

В третьей (1893): «Мои стихи, часть IV. Лирические стихотворения 1892 и начала 93 г. (до 6 мая). Ховрино, 93».

В четвертой (1893): «Валерий Брюсов. Мои стихи, тетрадь третья. Поэмы. Ховрино, 1893».

В первую тетрадь переписаны стихи 1881—1890 гг. и частью 1891 г. (текста — 138 страниц); во вторую — стихи 1890—1891 гг. (110 страниц); в третью — лирические стихотворения 1892 и начала 1893 г. (132 страницы) и в четвертую — поэмы 1891—1892 гг. (18 страниц).

В предисловии к первой из этих тетрадей Брюсов писал: «Здесь собраны все мои сохранившиеся стихи, хотя бы незначительные, неотделанные отрывки или первый стихотворный лепет восьмилетнего ребенка (я родился в 1873 году). Здесь же приложен перечень всех сохранившихся прозаических произведений. Планы и сюжеты см. в записной книжке 1890 г.».

Эпиграфом к первой тетради взяты четыре стиха из стихотворения Пушкина «Наперсница волшебной старины...»:

...Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила,
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожала..

Перелистывая страницы этих тетрадей, невольно обращаешь внимание на тщательность, с какою Брюсов уже в те детские годы собирал свои стихи, с каким невероятным уважением относился он к плодам своего творчества: почти все стихотворения датированы полной датой, часто с указанием и места, где они написаны; многие стихотворения снабжены примечаниями, объясняющими причины их зарождения; на страницы тетрадей вносится все, что имеет отношение к творческой жизни поэта.

Брюсов, совсем еще мальчик, считает необходимым записать в свои тетради все, что касается его творческой работы. Он пишет, например, что «сохранилась комедия «Лягушки», написание которой относится к 1879 г., что от 1880 г. «сохранился рассказ «Тигр».

Заканчивая же в тетради 1887 год, он прибавляет: «К этому году относится еще баллада «Летучий голландец». Она была приложена к рукописному гимназическому журналу «Начало»¹⁹... В ней было около ста стихов, но я помню только эти три...».

И, приведя эти три стиха, Брюсов дает дальше список прозаических вещей 1887 г., включающий пять названий: «Орлиное перо» — рассказ из индейского быта; «Последний выезд» — этюд; «Сибирь» — очерк; «На Венеру» — повесть и «Форт» — рассказ.

Из несохранившихся стихотворений 1887 года помню начало стих. «Черная смерть» (приведены четыре стиха). Из стихотворения «Саламин» также приведены четыре стиха, а в конце сделана приписка: «Стихотворение написано на переплете Корнелия Непота».

3

Заметки и приписки, по характеру подобные только-что приведенным, мы встречаем у Брюсова во всех тетрадах «Мои стихи».

Но еще примечательнее этих заметок «Хронологический указатель», который находим мы в конце небольшой самодельной тетрадошки (более ранней по времени ее записи), озаглавленной «Из моих стихотворений».

В этом хронологическом указателе, служащем также и оглавлением, под каждым годом включены стихи, написанные в данном году, и к большинству из них сделаны указания, когда и где написано стихотворение. Более того, в случае переработки стихотворения указаны обе даты — дата написания и исправления.

В тетрадошке 25 стихотворений, из которых большинство вошло в первую из четырех уже упомянутых нами тетрадей «Мои стихи».

В первую тетрадь «Мои стихи» вписано пять стихотворений, относящихся к 1881—1886 гг. («Соловей» «Везувий проснулся», «Осень», «Мчится пароход» и «Современная клятва»).

Следующий, 1887 год начат также эпитафией из Пушкина:

Простите, холодные науки,
Простите, игры первых лет!
Я изменился, — я — поэт...

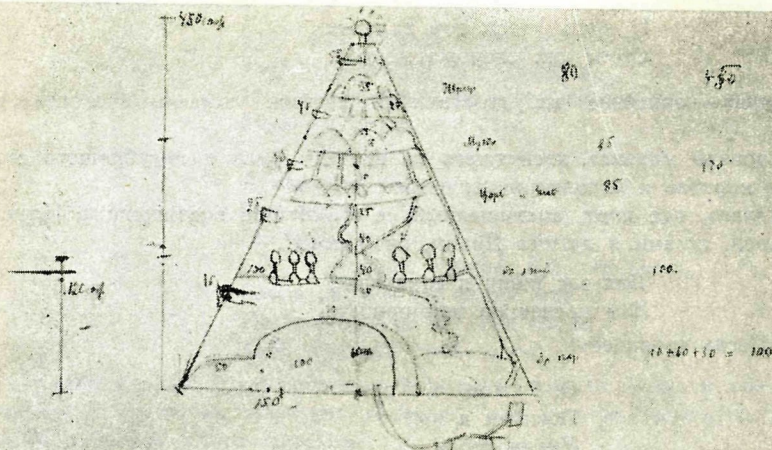
Сюда Брюсов записал уже 19 стихотворений: «Рай Шидада», «Австралия», «Буря», «Последний друг», «Исповедь моряка», «Италия», «Песнь троянцев», «Ария из «Кармен», «На темном небе», два экспромта, «В. Станюковичу», из трагедии «Ксеркс», из отчета о скачках 1886 г., «К ней», «Символ веры в стихах», «Тебе», «Падшие» и «Куртизанка».

4

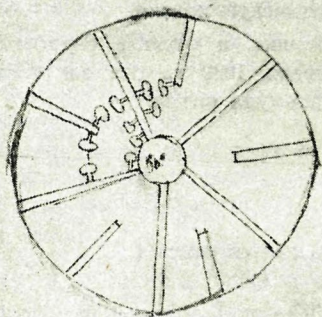
Даже в ранних стихах Брюсова ясно обозначаются основные контуры его творческого облика. Разнообразие тематики, многогранность выраженных в ней интересов, поиски гармонии содержания стихов с их формой. Ко всем этим свойствам раннего творчества Брюсова надо добавить некую, неожиданную в четырнадцатилетнем мальчишке рассудочность, преобладающую над его непосредственным чувством.

Приведенный нами перечень стихотворений 1887 г. достаточно подтверждает указанные качества их.

Вот «Рай Шидада» — восточное сказание о том, как властелин Персии, не веря в блаженство «небесного рая», замышляет выстроить себе свой «земной рай», насладиться которым ему, однако, не было суждено: в полном соответствии с мировоззрением правоверного мусульманина, сказание заканчивается победой «высшей силы» над дерзновениями смертного; эта сила восстает против Шидада, он внезапно умирает, а на месте, где был построен для него «земной рай», образовалась упрямая степь Латума.

580
100

20й этаж

по центру коридора 100 м. в коридоре
по 10 м. каждый сектор.

Длина коридора

Длина 625 м.
Вид. 312 м.
Круг. диаметр 25

Длина коридора 112 1/2 - 25 = 287 1/2

на каждом секторе в длину
протягивая 287 1/2 / 10

= длине коридора 5 1/2 м.

итого длина коридора
протягивая по 10 м.

Линия? Радиус? 2. радиус = 100 м. (середина круга). ~~287 1/2~~
От центра = 112 1/2 - 25 = 87 1/2 м. Вид в длину на 10 м. (полюс по
2 м. = 8, 7 м. Коридор по 10 м.; коридор 4 м. Протягивая 10 м. больше (полюс по 10 м. от центра)
А 20й этаж, на котором стояли Термостаты коридоров =

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЕЖИ И РАСЧЕТЫ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА К РОМАНУ
«ГОРА ЗВЕЗДЫ», 1897—1898 гг.

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Вот описательное стихотворение «Австралия», где замерла вся жизнь, жизнь и природы и человека:

И лишь утесы гор великих
Стоят как сторожа морей!..

Вот «Буря» — описание взбунтовавшейся стихии, ломающей мачты, как щепки.

Вот «Исповедь моряка», заснувшего на вахте у руля и погубившего своей беспечностью корабль и находившихся на нем людей.

Вот «Италия», где поэт, восхищенный ее красотами, восхищенный Царицей вод — Гадрианой, лесами и лугами Дианы, произносит:

Для вас пишу я сочиненье,
Вам посвящаю мой привет...

А вот «Песнь троянцев»:

О, Гектор, о, Троя,
Погибли и вы!
Убили героя
Олимпа сына.
Разрушили Трою
Не силой враги,
А хитростью злою
Победу взяли.

— стихотворение, в котором четвертый и восьмой стихи — «Олимпа сына» и «Победу взяли» — представляют несомненный интерес: три амфибрахических стиха первой и второй строф заключены ямбической концовкой четвертого и восьмого стихов.

Поэт, четырнадцатилетний мальчик, уже пытается перенести в русскую поэзию новые ритмы, напоминающие музыку греко-латинской поэзии.

Еще более яркий пример опыта по ритмике, и отчасти строфике, являет стихотворение, написанное Брюсовым 3 февраля 1889 г., без заглавия, вместо которого сверху стихотворения обозначена формула ритма:

— — — — —

1.

Ручей ровно шумящей пусть льется волной,
Своим холодом мне обещаю
Один сладкий, ленивый покой...

2.

И пусть манит дуброва лесная,
Своей тенью в прохладе маяя,
На мху мягком прельщая забвеньем.

3.

Пускай так. Не склонить вам меня!
Путем данным пойду я с терпеньем
И свой крест постараюсь нести.

4.

Он мне дан, без сомненья, судьбою
И я должен покорно итти...
К чему ж манит меня все к покою.

Все эти попытки как бы предвещают будущие ритмические «Опыты», которые Брюсов осуществил через 30 с лишком лет.

Интересным опытом текста для музыки является также и «Ария из «Кармен»:

Как птишка резвая, беспечно
 Любовь порхает в мире грез,
 И в вихре сладком, бесконечном
 Полна и радости и слез.
 Властей земных она не знает,
 А ей покорен целый свет.
 Она чарует, восхищает,
 Но миг... и вот ее уж нет.
 Трепещет сердце. Все так ново...
 Готов забыть ты целый мир.
 Но что бледна ты? или снова
 Тебя покинул твой кумир.

В приведенных стихотворениях вариантов еще не было, и они впервые появляются в сцене из трагедии «Ксеркс», где Брюсов приводит, как вариант, первый набросок «Хора воинов».

5

К стихотворению «Содом и Гоморра», датированному февраль—март 1888 г., Брюсов дает предисловие:

«Это было самым моим популярным стихотворением, хорошо известным среди товарищей. Кроме того, оно было одним и из самых отделанных, так как было переделано несколько раз с начала до конца».

И, действительно, переделывая эту поэму, мы видим, что варианты, написанные убористым почерком в две колонки, занимают две с половиной страницы из пяти, отведенных под всю поэму.

Такое же место занимают варианты почти во всех и последующих стихотворениях до конца первой тетради, заканчивающейся 1890 годом.

Из стихов 1888 г. весьма интересно тематически стихотворение «Изобретатель», в котором описан Денис Папин, приспособивший изобретенный им котел для движения парохода.

Суеверная толпа видит «дьявольскую силу» в том, что пароход движется машиной, и, несмотря на увещание и мольбы Папина, громит пароход и сбрасывает в воду дымящийся котел:

Плод долгих дум, трудов, ужаснейших лишений,
 Погиб в руках толпы...

И Папин, осмеянный, непризнанный, «один без утешенья», умирает вдалеке от людей и света.

Две сотни лет прошли, успехов новых полны,
 Без удивления глядит теперь народ,
 Как, оставляя след и рассекая волны,
 Шумит, несется вдаль дымящий пароход.
 Денис Папин забыт...

а изобретателем парохода величают американца-инженера Фультона.

Должно отметить также, что Брюсов в эти годы занимается уже и переводами: в сентябре 1888 г. — «Из Фауста» (8 стихов — из пролога), в ноябре — из Гейне:

На льдистой вершине, далеко от юга
 Кедр гордо в дремоте стоит.
 Его засыпает шумящая вьюга

И грозно метель вокруг шумит.
И снится ему: далеко за морями
В роскошной, но знойной земле
Прелестная пальма качает ветвями
И грезит о снежной скале.

Это стихотворение сделано еще в двух вариантах:
Вариант первый:

Вдали за пределами юга
Растет одинокая ель.
Ее засыпает и вьюга,
И грозно качает метель.

Она же все дремлет. Далеко
(Ей снится) в восточной земле
Растет на высокой скале
Роскошная пальма высоко.

Вариант второй:

На темной вершине, где стонет лишь вьюга,
Кедр гордый в дремоте стоит.
И снятся картины далекого юга
И мысленно к ним он летит.
И видит он: пальма, склоняясь ветвями,
На голом утесе растет.
Горячими корни покрыты песками
И друга с тоской она ждет.

В апреле 1889 г. Брюсов делает перевод главы XXXII из Аль-Корина:
Когда небеса рассекутся
И звезды на землю падут...

Осенью 1890 г. в тетради появляются два отрывка из Одиссеи, при чем первый отрывок переведен рифмованным амфибрахией, а не гекзаметром:

1. Вот остров вдали показался.
Кругом обнесен был он медной стеной,
И с шумом о гладкие стены прибой
Дождем мелких брызг рассыпался.
Себе здесь построил дворец золотой
Эол, властелин над ветрами,
Любимый и чтимый богами.
2. Туда мы прибыли. Нас принял Эол...

второй же сделан гекзаметром, местами с заменой дактиля спондеем, необычным в первой, третьей и четвертой стопе:

Ветром черный корабль пригнало к острову Эи,
Но, не надеясь уже ни на счастье, ни на спасенье,
Там мы два дня провели, в молчаньи, на земле лежа...

Тогда же, в августе, переведена из Шиллера «Hoffnung» и под переводом сделана пометка: «Читана учителю немецкого языка».

Тетрадь в основном тексте заканчивается 7 декабря «Хором юношей» из оперы «Психея», а далее следуют «Примечания к 1890 году».

«Из больших произведений,—пишет здесь Брюсов,—начаты были поэмы «Король», «Гибель земли» и «Бренн». Первые две еще не окончены до сих пор (август 91 года) и отделяются. Из «Бренна» помещаю отрывки. Здесь же помещаю два наброска стихотворения. Кроме этого, было еще отделанное стих, на мотив «Трын-трава», но оно затеряно...».

Затем идут тексты примечаний, отрывки из поэмы «Бренн», довольно значительные отрывки из трагедии «Мудрец», подготовленные наброски к очень большой по размерам поэме «Гибель земли», которая начинается стихами с очевидным подражанием лермонтовскому «Мцыри»:

Ничтожный жалкий род людей
В безумной гордости своей
Себя считал венцом созданья
И совершенным существом.
Гордился он своим умом,
Гордился глубиной знания,
Себя царем он называл
И, полный гордого презренья,

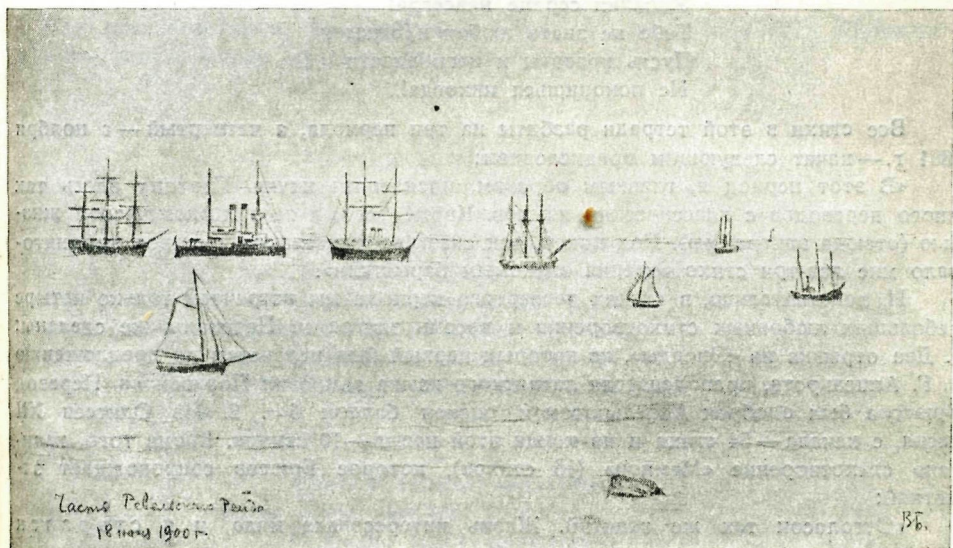

РИСУНОК ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА: ЧАСТЬ РЕВЕЛЬСКОГО РЕЙДА, 1900 г.

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Как с пьедестала он взирал
На все ничтожные творенья.
Природу и миров движенье
Себе он думал покорить.
Хотел над солнцами царить
И в яркой царственной порфире
Владыкой в беспредельном мире
Над всем живущим гордо быть...

«С июня 90-го по апрель 91-го года всего написано до 2 000 стихов...» — заканчивает Брюсов примечание, занимающее 19 страниц тетради, исписанных убогим, мелким почерком.

6

«Я нарочно ставлю во главе этого периода стихотворение, написанное еще в прошедшем году (23-го ноября): то, что вдохновляло меня тогда, заставило меня провести целых 5 месяцев во мраке тоски и отчаянья...» — так начинается Брюсов вторую тетрадь «Мои стихи», эпиграф к которой:

Всю жизнь истратил я на призраки и грезы:
 Когда настанет жизнь, мне нечем будет жить;
 Я пролил над мечтой восторженные слезы:
 Когда придет любовь, нехватит сил любить²⁰.

определяет состояние поэта в то время: «Я еще в первый раз терял любовь и мне это было слишком тяжело. Я думал, что все погибло, зарылся в свои занятия, хотел отказаться от мира, хотел, чтобы «сердце умолкло навсегда». Но оно было только придавлено, не разбито. Уже в мае рядом с отчаянным стоном, где я «смерти прошу у судьбы» (это не фраза!), вырывался крик: «Счастья! счастья! счастья!». И, наконец, истомленный тяжелой борьбой, я безумно отдался первому проблеску чувства, чтобы отдохнуть, забыться в призраке любви».

Стихотворение, о котором идет здесь речь, названо «Моя любовь», и начинается оно стихами:

Умолкни сердце навсегда!
 Тебе не знать любви и страсти.
 Пусть красоты и неги власти
 Не покоришься никогда!..

Все стихи в этой тетради разбиты на три периода, а четвертый — с ноября 1891 г. — начат следующим предисловием:

«В этот период я, главным образом, предавался науке. Поэтому здесь так много переводов с классических языков. Кроме того, я жил гимназической жизнью (отсюда эпиграммы). Под конец, так сказать, «рассеянное чувство» продиктовало мне два-три стихотворения знакомым барышням».

И, действительно, в стихах четвертого периода мы встречаем только четыре небольших любовных стихотворения и восемь эпиграмм. Переводы же сделаны: 1. Два отрывка из «Энеиды», из которых первый был переведен по предложению В. Г. Апелльбота, преподавателя латинского языка гимназии Поливанова. Перевод Брюсова был одобрен Апелльботом и оценен баллом 5+. 2. Из Одиссеи XII песня, с начала — 54 стиха и из конца этой песни — 10 стихов. Кроме того, написано стихотворение «Мемнон» (16 стихов), которое Брюсов сопровождает заметкой:

«Отголосок тех же занятий. Жизнь интересовала мало, и я старался уединяться от нее среди былых веков».

Сошлись они для борьбы,
 Как греза, прекрасные оба,
 И бились пред дверью гроба,
 У входа в святиню Судьбы.
 Вот копыя опять полетели.
 Губительной сталью сражен,
 Упал, умирая, Мемнон,
 На падшем доспехи взгремели*.
 И бросилась с неба Аврора,
 И сына схватила с тоской,
 И труп увлекает немой
 Далеко от смертного взора.
 Рыдает богиня, и слезы
 Струятся из дивных очей.
 Встают из земли перед ней
 Роскошные южные розы.

17 декабря 91.

Летом 1890 г. начата поэма «Король», над которой, как замечает сам Брюсов в предисловии к ней, он особенно много работал (см. о ней в статье

* Примечание Брюсова: «Ср. Гнедича перевод Илиады».

Н. Гудзия, Юношеское творчество Брюсова, помещенной в настоящем томе «Литературного Наследства»).

7

Лирические стихотворения 1892 и начала 1893 г., помещенные в третьей тетради «Мои стихи», с одной стороны, являются отзвуком любовных увлечений Брюсова в эти годы, а с другой — раскрывают перед нами непрестанные поиски поэтом новых форм для выражения своих поэтических мыслей.

Если на первой группе стихотворений чувствуется влияние поэзии Надсона, Лермонтова и других поэтов, которыми в это время увлекался Брюсов, то во второй группе стихотворений, т. е. в попытках Брюсова найти новые формы для своих стихов, мы не можем не заметить пытливого и упорного искателя в области русского стихотворства.

Под стихотворением, озаглавленным «Нона», Брюсов помечает: «Попытка изобрести новую форму вроде сонета или триолета».

1.

Однажды, в упоеньи грез
Я видел сад. Уж почки зеленели.
Манили взор букеты роз,
Готовились расцвести роскошные куртины, —
Но вдруг суровые метели
Послал безжалостный мороз.
Завяли лилии, поблекли георгины,
С деревьев почки облетели,
И вместо сада — снег и льдины.

2.

Бывают чудные мгновенья,
Душа полна неясною тревогой,
И жадно ищут выраженья
И чувства новые, и новые мечты
Но вопрошает разум строго.
Кому нужны твои волненья?
Для мира старо все, о чем страдаешь ты,
Таких признаний слишком много,
И блекнут на душе цветы.

Вариант второй:

Что ново для тебя, для мира то старо,
Таких признаний слишком много,
И падает из рук перо.

Дальше, перед стихотворением:

Когда на востоке, за нивойю дальней
Заря разливалась широко,
По узкой тропинке из башни высокой
Спускалася Леда к купальне...

Брюсов делает пометку: «Новые поиски поэмки вроде «Поэт и Фея».

Самое же стихотворение «Поэт и фея» (эпиграфом к которому взяты два стиха из Пушкина — «Перо его любовно дышит, не хладно блещет остротой...») заканчивается следующей припиской: «Тут же этот сюжет обработан в прозе. Пример: (писано раньше, чем стихи). Поэт истомился вечной борьбой с мело-

чами жизни. Душа его жаждет отдыха, и он вышел за город... etc. Тогда выпорнули из своих убежищ легкие феи и эльфы и помчались в девственном хор воде... Варианты незначительны. Это была первая попытка маленько поэмы, которых я много писал потом».

Под стихотворением:

Мы с тобой говорили случайно,
Был ничтожен и пуст разговор,
Но поймал мимолетный я взор,
И открылась мне целая тайна...

имеется приписка: «Здесь я употребил чередование abba, cddc, которые так люблю после».

К переводу из шестой книги «Энеиды» Брюсов предпосылает примечание «Занятия древними языками не прекращались. Это, между прочим, моя первая проба писать терцинами».

Полями горести мы шли с Сивиллой.
Здесь место тех, в любви несчастье чье,
И меж теней узнал я образ милой.

Дидона! Я вскричал, так правда все!
Погибла ты, измученная страстью!
Тому виной — отплытие мое.

Дидона, верь! я не своею властью
Внезапно так покинул Карфаген.
Мне дан был путь не к собственному счастью.

Не уходи! Хоть слово мне в обмен!
Не смел я нарушать богов веленье!
Как им на зло любви делять плен?

Дидона слушала без звука, без движенья
И прочь пошла с улыбкою презренья.

На ряду с различными опытами, связанными с поиском новых форм для своей поэзии, Брюсов пишет стихотворение «Антоний» и в предисловии к нему, между прочим, указывает, что здесь он сравнивал себя с Антонием. В это время Брюсов изучал трагедии Шекспира из римской жизни и сам собирался писать драму «Помпей Великий».

Тогда же написано Брюсовым небольшое стихотворение на итальянском языке (*Amore non devo! non mia fortuna e questa...*); а в результате занятий Овидием и Катуллом появляются переводы из Катуллы:

„Vivamus, mea Lesbia, atque amemus..

Перед нами жизнь и любовь,
Позабудем слова мудрецов.

Мы знаем другое ученье...

Солнце восходит, восходит луна,
Нам же с тобою ночь лишь одна —
И вечно одно наслажденье.

Тысячу раз поцелуй, дорогая,
Сто раз потом

. *

* Не окончено и точки — в рукописи.

Мы уже отмечали большое разнообразие тематики и жанров юношеских стихотворений Брюсова, а в связи с различием содержания стихов беспрестанное искание для них и различных форм, отвечающих содержанию. Сличение и анализ различных текстов стихов и прозы Брюсова подтверждают чрезвычайную требовательность Брюсова к своим стихам, его пристрастие к их обработке, к чеканке почти каждой строки.

ЭКИЗ ОБЛОЖКИ К «ВЕСАМ» В. БОРИСОВА-МУСАТОВА, 1907 г.
Частное собрание, Москва

Оказывается, однако, такой переработке Брюсов подвергал не только свои собственные стихи: в третьей тетради «Мои стихи» мы встречаем монолог Гамлета «Быть или не быть», при чем Брюсов делает к нему примечание, из которого явствует, что, в связи с его занятиями драматическим искусством, он был неудовлетворен переводами и переложил в стихи перевод Кетчера, следуя и за его ошибками.

Этот пример далеко не единичен. Просматривая в библиотеке Брюсова второй и третий томы стихотворений Жуковского, мы нашли ряд значительных поправок, сделанных Брюсовым в «Сказке о Иване-царевиче и сером волке», а также в балладе «Суд божий над епископом».

Так, в балладе стихи 41 — 46-й у Жуковского читаются:

Он обомлел, он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную весть слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».
Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!».

Брюсов переделывает:

Он испугался; от страха чуть дышит...
Вдруг он известье чудесное слышит:
«Наша страна вся мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».
Вот и другое известье приспело:
«Бог тебя судит за страшное дело!»

Стих 65-й. У Жуковского:

Узник не знает куда приютиться...

У Брюсова:

Ищет епископ куда приютиться...

Стих 67-й. У Жуковского:

Вдруг он испуган стенаньем глухим...

У Брюсова:

Вдруг он испуган тем стоном глухим...

Стихи 69-й и 70-й. У Жуковского:

Смотрит он: кошка сидит и мяучит,
Голос тот грешника давит и мучит...

У Брюсова:

Смотрит: то кошка сидит и мяучит
Жалобно; стон тот епископа мучит...

Дальше исправлены стихи 73-й, 75-й, 77-й, 78-й и конец стихотворения, который у Жуковского:

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гатон...

Брюсов изменяет:

Зубы об камни они наострили,
В кости епископа жадно впустили,
Весь по кусочкам разорван был он...
Так был наказан епископ Гатон...

Такие исправления в произведениях других авторов мы находим у Брюсова в разные периоды его жизни.

Вторая часть третьей тетради «Мои стихи» открывается отделом, который Брюсов озаглавил «Символизм».

Любопытно, что первое из стихотворений этого отдела, датированное 29 ноября 1892 г., помечено: «Из Римбо». Но вслед за этой пометкой Брюсов пишет: «Это мистификация. Тогда я еще не знал Римбо, да и вообще с символизмом был знаком не непосредственно, а через статью З. Венгеровой в «Вестнике Европы» 1892 года № 9».

Вот текст этого стихотворения:

Признанья зов и путь Эфира
Соединились для тебя.
Концы разорванного мира
Моя опять поверившая лира
Слила в одно, тоскуя и любя.

Любви покорны наши тайны.
Былые краски сохраняя,
В волненьях истины случайной,
И брачный гимн, и голос погребальный
Теперь вполне понятны для меня.

Витают трепетные тени
И борется со светом тьма —
Но, полон светлых откровений,
Во лжи моих таинственных видений
Я вырвал связь и чувства и ума.

После ряда мелких лирических стихотворений («Зачем ты хочешь знать мечты заветных дум», «Прощанье», «Под чудные звуки Шопена», «В жизни есть минуты...» и др.) и нескольких эпиграмм дальше в тетради идут переводы из Верлена (17 стихотворений), из которых иные представляют собой ранние варианты опубликованных Брюсовым позднее переводов Верлена. Здесь же — перевод двух стихотворений из Малларме, два стихотворения Тассо, три стихотворения — подражание Гейне, небольшое элегическое стихотворение, написанное по-латыни — «*Vita justis erat mihi...*», прозаический отрывок — подражание Э. По и опубликованное в «Русских Символистах» стихотворение «С португальского: Полутемное окошко».

Тетрадь заканчивается небольшой поэмой «Сказка безумия», в которой рассказывается о любви поэта к фее и о хранящемся в ларце чудесном перстне, обладающем могучей силой,

Что бедствием вечным поэту и фее прозило.
И если б кольцо в голубую пучину упало,
То вдруг порвалось бы таинственных чар покрывало...

Это свойство перстня знал поэт. Однажды ночью он пробрался осторожно на гордый утес и, подняв над пучиной чудесный перстень, бросил его в пучину.

И все задрожало, слилось в хаотическом хоре.
И рухнули с трепетом гордые скалы на море.
И лес повалился в отчаяньи [sic!] немом и бессильном
И трауром все завлеклося, как флером могильным.
И видел поэт, как вспорхнула крылатая фея...

Все исчезло, и поэт остается один с воспоминаньем в дни скорби о днях блаженных.

Эпиграфом к этому стихотворению Брюсов предпослал стихи из Данте, к которым через 20 с лишним лет снова вернулся, взяв их лейтмотивом своей первой симфонии «Воспоминанье»:

. Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria

В четвертой тетради «Мои стихи» (тетрадь № 3 secunda) помещена поэма «Поэт и друг» — из черновых набросков лета 1891 г. — с предисловием следующего содержания:

«Писано, понятно, под влиянием Пушкина, Лермонтова, Веневитинова и Некрасова. Выражает мои действительные убеждения того времени. Отделано не было».

Основной текст поэмы (102 стиха) заканчивается весьма знаменательной для Брюсова речью друга, обращенной к поэту:

Все глубже, глубже и на дно —
Проникни к истине безвестной
И только знание одно
Раскроет мир для мысли тесный —
А ты, пророк минувших лет,
Всех впереди — вперед, поэт!

А дальше, в небольшом послесловии, озаглавленном «Объяснение речей друга» (30 стихов), мы читаем, между прочим, что вечные творенья искусства не должны быть сонмом элегий и поэм без мысли и содержания, но что истинно глубокое произведение — это то,

Где формой мысль облечена,
Идея соединена
С бессмертной слова красотой.
Когда ж задача решена,
Творенья мира я открою,
И пусть сквозь сумрак наших чувств
Проглянет истина искусств!

До конца своих дней Брюсов оставался верен этим своим высказываниям.

После начала неоконченной поэмы «Бренн», относящейся к 1891 г., в четвертой тетради помещено также начало и поэмы «Земля», о которой Брюсов писал:

«Если «Король» я называл своим «Демоном», то «Земля» была моим «Мцыри».

Полный текст этой поэмы в нескольких вариантах сохранился в рукописи на отдельных девяти листах, сплошь исписанных с обеих сторон мелким убогим почерком Брюсова.

11

Почти к тем же самым годам, когда в четыре упомянутые нами тетради Брюсов старательно собирает свои детские и юношеские стихи, относится серия его других общих тетрадей, из которых первая начата в 1889 г., а в последних четырех (№№ 44—47) написан роман «Гора Звезды», упомянутый нами в первой части нашего очерка.

Здесь еще более ясными становятся методы работы Брюсова.

С той же тщательностью, с какою вписывает Брюсов свои собственные стихи в те четыре тетради, он первые шесть тетрадей этой — будем называть — второй серии посвящает преимущественно стихам, прозе, отрывкам исторических и научных сочинений различных авторов, при чем в середине первой тетради, которая разделена им на три части, он многозначительно и деловито замечает: «Некоторые удивились, не встречая здесь стихотворений Лермонтова, Пушкина и т. д. Спешу сообщить, что сюда я помещаю из тех стихотворений, которые мне нравятся, только те, которых у меня нет».

Характерно, что, переписывая и собирая в одну тетрадь различные чужие произведения, Брюсов, как самому ему, без сомнения, кажется, создает некую цельную книгу, связанную единой мыслью и отражающую настроения ее собирателя.

В первой тетради мы встречаем стихи Фофанова, Полежаева, А. К. Толстого, Надсона, Фета, Лохвицкой, переводы из Гейне, Мицкевича и Байрона, а рядом с этим банальнейшее стихотворение неизвестного автора, выписанное из «Календаря для женщин 1886 года», «Прощание» — Не понял я речей твоих... — с «аккордами и рыданиями», два стихотворения из «Стрекозы» — довольно пошловатые пародии на стихотворения Апухтина и Майкова. Из прозы мы находим здесь: «Краткий очерк римской истории» (из «Рима» Цегенера), афоризмы из Шопенгауэра и выписки из его же «Метафизики любви», «Террор»

Эскиз обложки к «ВЕСАМ» Л. БАКСТА, 1907 г.

Частное собрание, Москва

(1793 г.) — из «Истории Наполеона» Полевого, выписки из Гиббона по-латыни (из «Истории разрушения Рима»), из книги Ведд — Индийская религия — Календарь индусов, а в конце тетради выписаны по-санскритски: 1) Пантаксариматра — пятисложная молитва и 2) узорчатые санскритские письмена из древней поэмы о Сиве.

Всему собранному в тетради Брюсов, несомненно, придавал большое значение. Если бы этого не было, то едва ли делал бы он такие примечания:

«Тетрадь I-я начата в сентябре 89 (из списка 1888—1889), тетрадь III-я окончена в марте 1891 года».

После содержания — обычного оглавления — он не стал бы выписывать,

какие произведения взяты из собраний сочинений и книг (числом 34), какие из газет и журналов (27), сколько из них переводных (5), сколько на иностранных языках (5) и сколько оригинальных (51), сколько стихотворений (46), сколько научно-философского содержания (6), а также сколько заметок (3) и шуток (6). Всюду подведен общий итог всего списанного, при чем каждый из трех итогов, по трем разным рубрикам, равен 61.

12

Вторая тетрадь из этой серии (первую в трех частях мы считаем за одну), начатая в марте 1891 г., еще более разнообразна по своему содержанию.

Тетрадь открывается заметкой-исследованием «Кое-что из дифференциального исчисления»; далее следуют выписки: «из аналитической геометрии», «из геометрии», «Памятник Архимеда», затем ряд разных стихов, а за ними «Истина и заблуждение» — по Льюису § 1—8, по нему же — «Organon novum. Cogito — ergo sum» и примеры выводов Спинозы, выписка из «Истории новой философии» Куно Фишера.

Содержание третьей, четвертой, пятой и шестой тетрадью приблизительно того же характера, как и содержание первых двух: стихи, переводы, краткие выписки по истории искусств — «Архитектура» (с рисунками); «Что такое политическая экономия», древняя философия, римский суд и т. д., — только тут встречаются уже небольшие наброски из собственных произведений Брюсова, а в шестой тетради написаны маленькая комедия «Красная шапочка» и рассказ «Летучая мышь».

В седьмой тетради, написанной от 10 сентября 1893 г. до 11 января 1894 г., и в тетради восьмой материалом в значительной части являются плоды творчества самого Брюсова: здесь мы встречаем стихи, переводы, пьесы, рассказы и различные статьи по вопросам литературы и искусства.

Среди этих материалов интересны статья «О различии романа и повести», рассказ под заглавием «Символический рассказ», шуточный рассказ «Шахматная задача», пьеса «Вор», а из стихов седьмой тетради —

1) Я в былые дни свиданий
 Поцелуй прерывал
 Для сквозящих очертаний
 Сквозь магический кристалл. (Пушкин!)
 Посмеялась жизнь жестоко:
 Холм да крест — и это все,
 Что в печали одинокой
 Заменяло мне ее.
 Тем дороже те творенья,
 Где одобрила она
 Первый шопот вдохновенья
 Неоформленного сна.

5/10 93 г.

и 2) «Памятник», написанный 13 февраля 1894 г., где Брюсов пытается как бы охарактеризовать назначение свое в русской поэзии:

Я памятник создам не на земной твердыне,
 Ни ветер, ни вражда его не сокрушат,
 А годы долгие покроют дымкой синей
 И от толпы заворожат.

Он будет из лучей, он будет из созвучий,
 Для мира — призрачен, как образы во сне,
 Далекий, как марево, как пейзаж летучий
 На недоступной вышине.

Но будут приходить к нему на поклоненье
 Могучие умы и светлые сердца
 И черпать близ него блаженное забвенье,
 Желанный отдых для бойца.

Приветливей смотри на будущее, муза!
 Замолкни, клевета с партийною враждой
 И будет торжество свободного союза,
 Что заключили мы с тобой ²¹.

13

Начиная с девятой тетради мы встречаем уже черновые наброски стихов, а иногда и стихи, вполне отделанные, опубликованные позднее в сборниках «Русские Символисты».

Дальнейшее, даже беглое ознакомление с содержанием следующих тетрадей дает возможность уяснить себе, какая огромная творческая потенция была заложена в юном Брюсове и какую большую работу он проделал для развития своих творческих способностей.

Двадцатилетний юноша пишет статью на тему «О задачах этики», где в тезисах довольно глубоко разрабатывает вопросы любви и морали. Одновременно он занят анализом греческой строфики и критическим разбором творчества Генриха Шульца. Тогда же пытается определить свой взгляд на поэта и его назначение, выдвигая волнующий вопрос о том, может ли современный поэт, знакомый с современной европейской литературой, с ее историей, явиться продолжателем только Майковых и Полонских. Пишет о красоте и условности понятия ее, с подробным планом: «Сущность поэзии. Сущность красоты. Современная поэзия (натуралист. и симв.). Будущее поэзии. Современная русская поэзия. Моя поэзия». Высказывает мысли об эстетическом наслаждении.

Все это достаточно ярко характеризует диапазон мыслей и интересов юного Брюсова.

В набросках рассказов из римской жизни — «Грань двух миров», «Август и Вергилий», «Легион и фаланга» — и других отрывках рассказов и пьес («Октовиян Август») из жизни древнего мира мы узнаем уже будущего автора «Смерти Вергилия», «Алтаря победы» и «Юпитера поверженного».

А рядом с этими набросками в прозе — многочисленные переводы из Ф. Эверса:

Я дышу твоей душою
 Серебристой, как луна...

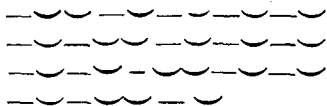
И еще из того же Эверса:

Безмолвный лес окружал мой дом,
 Ветерок стремился прочь.
 Стоял я молча перед окном,
 Смотрел в золотую ночь.

Здесь же — переводы из Верлена, Метерлинка и Рембо; интересная характеристика поэта Дарова, одна из очередных поэтических мистификаций Брюсова (Даров был псевдонимом самого Брюсова), бесчисленное количество набросков предисловия к «Chefs d'oeuvre», статья о Бальмонте, наброски к будущим «Далеким и близким» (о Фете и Тютчеве), серия набросков «Мои современники» (о Велличко, М. Криницком, Вл. Соловьеве, Добролюбове, Льдове, Минском и др.), разбор «вопроса» «о слове и содержании в поэзии...».

Здесь же новые и снова интересные опыты перенесения размеров греческой и латинской поэзии в русскую поэзию:

1. Полно, не плачь, о ты, кого люблю я,
Не жалея, что печальный день, вставая,
Разлучит с тобою меня! мы снова
Завтра встретимся ночью...
В страхе, однако, ты и ночью бродишь
И на гладь водяную смотришь жадно.
О, когда бы мне умереть с тобою —
Это было бы счастьем!

2. Смолкают звуки, гаснут лучи,
Умирают краски нашей земли
(Возвращена) прошлая жизнь — о ко мне
Вечная тень вечной мечты!

Позабытый размер
Муза ритмов былых, музыки неземной!
Сбрось свой траурный плащ, косы назад откинь...
Позабытых созвучий
Пробуждаются голоса.

В следующих тетрадах, наряду с различными переводами из Верлена, Эдгара По и др., имеются маленькая драма для марионеток «Урсула и Томинета», трагедия из римской жизни «Октовинан Август», набросок «Московские улицы», начало рассказа об отце, отрывки из жизни русских декадентов, наброски «Книги о поэзии» (к Истории русской литературы), рассказ «Время», статьи о «Символизме», наброски автобиографии под названием «Исповедь», рассказ «Искушение», набросок статьи «Апология символизма» с весьма знаменательной припиской Брюсова:

«Я мог бы иметь большой успех, заявив себя сторонником того символизма, который уже имеет более или менее серьезных защитников, но для меня слишком ничтожны временные удачи, чтобы ради них я стал унижать свое всемирное значение».

К этому же времени (1896 г.) относятся заметка «О переводе в прозе из Эмиля Верхарна с краткими биографическими сведениями», а затем наброски переводов Верхарна.

На ряду с многочисленными набросками «О искусстве», набросками по истории русской литературы, Брюсов занят теоретической работой над стихом. В 1896 г. мы встречаем в тетрадах его заметки «О стихе», «История стиха», «История размеров», а конец лета и осень 1898 г. он посвящает разработке книги «Учебник стихотворства» (или «Учебник поэзии») с таким предварительным планом:

1. Предисловие;
2. Изложение моих взглядов на искусство (из книги «О искусстве») и что такое учебник искусств.
3. Стих.
4. Рифма.
5. Образ.
6. Тропа и фигура.

7. Роды поэзии: драма, лирика, новеллы и рассказы, лирическая поэзия etc., басня.

8. О переводах.

Здесь же Брюсов делает следующее примечание:

«Я сохранил общеупотребительные названия — поэзия, рифма — в заглавиях и при первом употреблении; но затем я неизменно заменял их русскими выражениями: стихотворство, созвучия и т. д.»

14

Для исследователя особый интерес в разборе этих тетрадей заключается в том, что чисто литературный материал чередуется в них с различными «лирическими» отступлениями дневникового характера, чего мы не встречаем в последующих рукописях, когда Брюсов свои стихи начал писать на больших листах писчей бумаги.

Благодаря таким отступлениям весь литературный материал приобретает некую определенную, как бы биографическую законченность...

«... и вот я живу как истинный изгнанник. День читаю по греч. и по лат., перевожу Энеиду...» — читаем мы в одной из тетрадей 1895 года.

Выше мы неоднократно уже цитировали подобные отступления, поясняющие творческие настроения поэта.

Кроме того, в этих тетрадях имеется большое количество черновых набросков писем Брюсова к разным лицам, связанным с ним литературными интересами. Эти наброски, при отсутствии отправленных адресатам писем, являются, несомненно, ценным материалом биографического и эпистолярного характера.

Из набросков ответов Брюсова критикам на его переводы Верлена «Романсы без слов» мы видим, как реагировал Брюсов на современную ему официальную критику, которая, между прочим, писала о нем:

«Назвать себя символистом еще не значит стать талантливым поэтом и переводчиком; в этом легко убедиться всякому при чтении стихов Брюсова» («Новости», 1895, 6 января, № 6).

А Брюсов, анализируя себя в свете прошлого и заглядывая в будущее, как бы сам отвечает на свои сомнения и, рядом с набросками из Эдгара По, записывает в свою тетрадь:

«Я — связь. Я еще дышу идеями XIX-го века, но я же первый подал руку юношам XX-го, тем самым, которые теперь — робкие и растерянные мальчишки! — впервые входят в большую залу гимназии и как зверушки поглядывают на толпу школьников. О вы, нынешние друзья мои, смотря на детей, думайте одно: постараемся не отстать от них».

15

Четыре последних тетради этой серии (№№ 44—47) заканчиваются романом «Гора Звезды».

С 1894 по 1902 г. Брюсов вписывает свои стихи в маленькие клеенчатые тетрадочки из бумаги в клетку. Их пятнадцать штук, и озаглавлены они «Мои стихи».

С 1902 г. Брюсов, как мы уже говорили, начинает писать свои произведения на больших листах писчей бумаги, и, как исключение, мы находим у него еще шесть блокнотов разных размеров, относящихся к 1914—1915 гг., исписанных, главным образом, в Варшаве, Вильно и других городах, во время пребывания его на войне в качестве корреспондента газеты «Русские Ведомости».

Среди стихов и прозы всех этих рукописей, в свое время опубликованных Брюсовым в различных книгах, стихотворных сборниках, с первых «Chefs d'oeuvre» до последней книги «Mea», и в сборниках прозы, оказалось очень много

ненапечатанных материалов — уже после смерти поэта, все же еще только частично собранных и вышедших в свет:

«Неизданные стихи 1914—1924», Государственное издательство, 1928 (редакция Ашукина и Ильинского) и «Неизданные стихотворения» (редакция Мартиросова, ГИХЛ, 1935).

Оставшиеся после выпуска этих книг неопубликованные стихи, и среди них полностью книги стихов «Девятая Камена», «Сны Человечества» и до сих пор неопубликованная поэма «Страсть и смерть» («Исповедь раба»), в большинстве войдут в первый, второй, третий и четвертый томы двенадцатитомного Собрания сочинений Брюсова, выпускаемого Гослитиздатом, под главной редакцией И. К. Луппола, Н. С. Ашукина и И. М. Брюсовой.

Отдельные ненапечатанные стихотворения были помещены также и в трехтомнике «Избранные произведения» (ГИЗ, 1926—1927) и «Избранных стихах» в издании «Академия», М., 1933.

В 1929 г., под редакцией профессора М. К. Ликсанова, вышел «Мой Пушкин», сборник статей Брюсова по Пушкину, а в 1934 г. частично опубликована «Неизданная проза» под редакцией И. М. Брюсовой — «Юпитер поверженный» и «Фрагменты других исторических рассказов».

После смерти поэта были изданы и переводы его: первая часть «Фауста» Гете (ГИЗ, 1928, 1-е изд.; то же во 2-м изд., ГИХЛ, 1932), «Энеида» Вергилия («Академия», 1933), переводы из Верхарна (ГИЗ, 1928) и Э. Верхарн, Избранные стихи («Молодая Гвардия», 1936); Эм. Верхарн, Драмы и проза (Гослитиздат, М., 1936) и переводы из В. Гюго (Гослитиздат, под ред. Нусинова, М., 1937).

Остаются неизданными Данте (отрывки из «Божественной комедии»), Анатоль Франс — «Восстание ангелов» и «Poetae minores» (Aurea Roma), часть которых была опубликована в «Русской Мысли».

В начале этого очерка, анализируя творческие замыслы Брюсова, мы уже говорили о ряде его прозаических произведений. К этому перечню следует добавить: 1) «Моцарт» (1915) — значительная по размерам повесть о музыканте Латыгине, художнике, безнадежно борющемся с пошлостью окружающей его жизни и тонущем в этой пошлости; 2) ряд исторических отрывков: «Обреченные», «Канушинские беглецы», «Тело Гектора», «Жизнь Вергилия», «Предсмертный бред Вергилия», «Последний император Трапезунда — исторические сцены 1470 года», «Женщина с бичом. Рассказ VII-го века», которые вошли в том «Неизданной прозы», вместе с упомянутым нами «Юпитером поверженным», повестью из времен последней революции в Риме IV века нашей эры; 3) рассказы, опубликованные (после смерти Брюсова) — цикла так называемых «Злых рассказов» («Бревно» и др.), а также неоконченную повесть «Арсен Люпен в России» (1919—1920), «Его любовь», «В тюрьме», «Записки мужины» (повесть—1914 г.) — неопубликованные, как и рассказы, о которых мы уже говорили: «Голубочки — это непорочность» (первоначальное заглавие — «Старинная повесть»), «Студный бог», «Первая междупланетная экспедиция» («Путешествие на Марс»), «Торжество науки» («Записки о посещении Теургического института»), «Записки Малинина» (набросок к роману «Декабристы») и «Путешествие принца Бен-Игна» (набросок к повести «Семь земных соблазнов»).

Из драматических произведений, кроме уже названных нами «Красной шапочки», «Урсулы и Томинеты» (по Метерлинку) и «Вора», неопубликованными остались «Дачные страсти» — комедия в одном действии, в свое время признанная театральной цензурой «неудобной» к представлению; «Проза» — сценки, и трагедия в двух действиях «Каракалла» (эти при пьесы относятся к 1893 г.); большой киносценарий — «Родине в жертву — любовь»; драма из итальянской жизни XVII века; пьеса «Мир семи поколений» (в двух вариантах); план и наброски трагедии

«Гибель Атлантиды» (1911—1913); «Перемена судьбы» — драма; «Двадцать тысяч» — пьеса; «Пироент» — пьеса, и трагедия «Диктатор».

По поводу трех последних пьес у Н. Ашукина в его книге «Валерий Брюсов» («Федерация», М., 1929) сообщаются следующие интересные подробности:

1. «...В репертуаре Малого театра в предстоящем сезоне оставлено место для пьесы В. Брюсова, написанной им по настоятельной просьбе А. И. Южина.

В настоящее время пьеса Брюсовым совершенно закончена и нуждается только в окончательной отделке.

Драма — в пяти актах, с прологом, из современной жизни. Заглавие пьесы еще не дано.

Завязка ее такова: сановник передает своему секретарю большую сумму денег с тем, чтобы он, после его смерти, передал ее незаконному сыну сановника. Случается так, что вскоре же после этого сановник умирает. О переданных деньгах никто, кроме секретаря, не знает. В его душе борьба — отдать или не отдать эти деньги. Сын сановника — негодяй, прожигатель... Оказывается, однако, что дочь секретаря — возлюбленная незаконного сына сановника. На этой почве разыгрывается драма»²².

2. «...Брюсов закончил драму из современной жизни «Пироент», которая будет предложена Моск. Малому театру.

«Пироент» (Pygois — античное наименование планеты Марс) есть название фантастического корабля или, точнее, снаряда, при помощи которого герой драмы, молодой русский инженер, надеется установить сношения с др. планетами. Контуры этого гигантского снаряда, окруженного лесами, блоками, подъемными кранами, служат фоном для декорации первых вступительных сцен. Замысел драмы, однако, чисто психологический, напоминающий идею «Преступление и наказание».

Для достижения своих грандиозных задач герой драмы должен пройти через преступление. Из этого возникает трагический конфликт»²³.

3. «...«Дом печати», возникший в 1920 году, является одной из интереснейших глав в литературном развитии революционной эпохи. В годы 1920—1923 «Дом печати» был крупнейшим литературным центром, в котором происходила значительная работа.

...Здесь В. Брюсов впервые читал своего «Диктатора»²⁴.

Из работ научно-исследовательского характера неопубликованными остались курс лекций по истории Греции и Рима, лекции по истории русской литературы, над которой Брюсов начал работать чуть ли не со школьной скамьи и которую не оставлял до последних дней своей жизни.

Что касается работ по Пушкину, то довольно полное описание, со включением и неопубликованных материалов, сделано Н. Ашукиным в его статье «Пушкиниана в архиве Брюсова», вошедшей в книгу Брюсова «Мой Пушкин», о которой мы уже упоминали выше.

16

В предисловии к первому тому «Путей и перепутий» Брюсов говорил, что он «избегал исправлять свои юношеские стихи, зная, как опасно переделывать художественные произведения, созданные при господстве совершенно иных взглядов и переживаний», но что он «считал необходимым внести в текст те изменения и дополнения, которые были им сделаны в различных стихотворениях вскоре после их напечатания».

Позднее в рецензии на Полное собрание сочинений Брюсова в издании «Сирина» Бальмонт упрекал Брюсова за исправления в лирических стихах, и мотивом к такому упреку выдвигалось утверждение, что «лирика по существу своему не терпит переделок и не допускает вариантов», что «разночтения лирического чувства или же лирических выражений мысли ищут и должны искать, у понимаю-

щего себя поэта, нового и нового выражения в виде написания новых, родственных стихотворений, а никак не в кощунственном посягновении на раз пережитое, раз бывшее цельным, и в секундности своей — неумолимо правдивым, ушедшее мгновение... И если пережитое мгновение было полным в правде, но не полным в выражении,— пусть: чтобы живописать лохмотья, явились Рембрандты и Веласкесы, но чтобы воспеть Тришкин кафтан, явился лишь подсмеивающийся баснописец...».

Брюсов резко возражал против таких взглядов и тогда же, разбивая их, писал:

«...Передельывали, исправляли свои стихи едва ли не все поэты в мире. Не странно ли говорить, что «лирика не допускает вариантов», когда достаточно открыть любое критическое издание выдающегося поэта, чтобы найти там именно варианты лирических стихотворений. Передельывали свои создания уже Вергилий и Гораций, передельывали свои ранние стихи Гете и Шиллер, передельывал

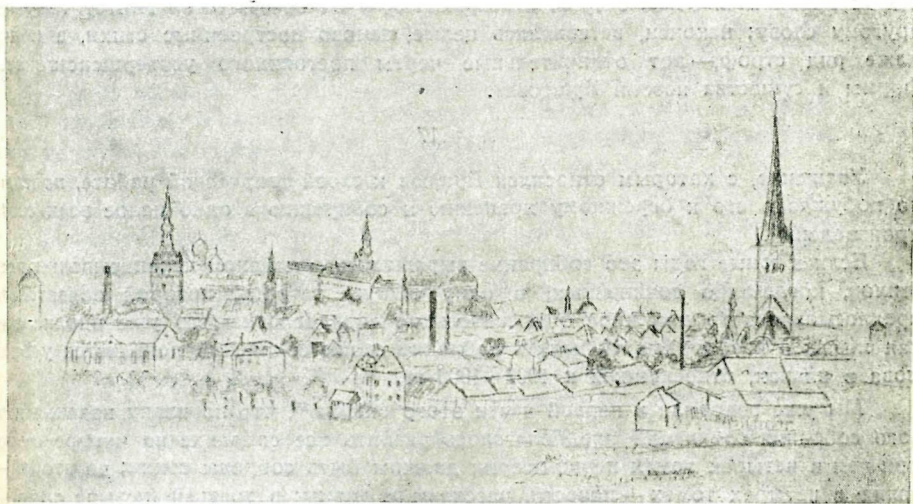

РИСУНОК ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА: ВИД РЕВЕЛЯ, 1900 г.

Собрание И. М. Брюсовой, Москва

Пушкин, превращая свои сравнительно слабые юношеские наброски в шедевры, которые мы теперь знаем наизусть...

...Неужели Пушкин, готовя первое издание своих стихотворений (1826 г.) и передельывая для него свои (давно напечатанные стихи) лицейские стихи, заслуживал названия «Тришки», перекраивающего свой кафтан?.. Неужели столь же мало понимали законы лирического творчества и Лермонтов, и Фет, и все другие любимые нами поэты, упорно исправлявшие свои стихи...».

«По моему глубокому убеждению,— писал дальше Брюсов,— утверждение Бальмонта (что поэт не имеет права исправлять, совершенствовать свои стихи)... не только не соответствует фактам, но и по существу своему ложно, а как принцип, крайне вредно.

...Пример Гете и Пушкина, напротив, показывает нам, что великие поэты не стыдились работать над своими стихами, иногда возвращаясь к написанному через много лет и вновь совершенствуя его. На бесчисленные варианты лирических стихов Гете, на исчерканные черновые тетради Пушкина, где одно и то же стихотворение встречается переписанным и переделанным три-четыре и пять раз, мне хочется обратить внимание молодых поэтов, чтобы не соблазнило их предложение Бальмонта отказаться от работы и импровизировать, при чем он еще

добавляет: «И если пережитое мгновение будет неполным в выражении — пусть». Нет, ни в каком случае не «пусть»: поэты не только в праве, но обязаны работать над своими стихами, добиваясь последнего совершенства выражения. ...Что творчество поэта не есть какое-то безвольное умоисступление, но сознательный, в высшем значении этого слова, труд,— это прекрасно показал еще Пушкин в своем рассуждении «О вдохновении и восторге», где встречается знаменитый афоризм: «Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии...»²⁵.

В этом ответе Бальмонту Брюсов с предельной четкостью выразил свои взгляды на «работу поэта над своими произведениями», взгляды, которым он сам не изменял никогда.

«Постоянная работа над своими стихами, даже давно написанными, всегда была свойственна поэту, — пишет И. М. Брюсова. — Каждое новое издание стихов Брюсова, куда входили произведения из прежних сборников, всегда несло за собою некоторые неожиданности, т. к. новые стихотворения [сборники] появлялись в совершенно новом оформлении. Подыскивались более сжатые и точные определения: придавался более острый и вскрывающий самое существо эпитет тому или другому слову; наконец, вставлялись целые, заново построенные стихи, а подчас даже ряд строф, — вот отличительные черты постоянного усовершенствования формы и существа поэзии Брюсова».

17

Уважение, с которым относился Брюсов к своей творческой работе, постоянно побуждало его к бережному хранению и собиранию в одно целое всех своих произведений.

Если в юные годы это собирание выражалось в наивном переписывании всех стихов, когда-либо сочиненных, в одну общую тетрадь, которой обязательно предпосылалось то или иное объяснительное «предисловие», то уже вполне зрелая мысль о необходимости издать собрание своих сочинений появляется у Брюсова в планах, относящихся к 1908—1909 гг.

Мы уже говорили в первой части этого очерка²⁶, что по плану издания первого собрания сочинений предполагалось разбить все собрание на четыре серии, при чем в четырех томах первой серии должны быть собраны стихи; во второй — также в четырех томах — повести, рассказы и драмы; в третьей (четыре тома) — статьи и, наконец, в четвертой, обнимающей шесть томов, — переводы. Все издание, таким образом, предполагалось в 18 томов, по 300—400 страниц каждый.

Это издание не было осуществлено, но в 1908 г. вышло собрание стихов Брюсова в двух томах под общим заглавием «Пути и перепутья», а в 1909 г. появились «Все напевы» — третий том тех же «Путей и перепутий».

В 1913 г. издательство «Сирин» объявило выпуск «Полного собрания сочинений и переводов Валерия Брюсова».

«Издание рассчитано на 25 довольно объемистых томов, — писал Брюсов об этом в своей автобиографии, — но оно, конечно, не вместит все, что я написал за 25 лет своей литературной жизни».

Однако, и этому изданию не удалось осуществиться целиком: из 25 объявленных томов было выпущено только 8, и в 1915 г. издательство «Сирин» решило прекратить издание «стихов, беллетристики, сборников и собраний сочинений».

О том, как тяжело отразилось на Брюсове это событие, говорят сохранившиеся в архиве черновые наброски писем Брюсова по этому поводу в редакцию «Сирина»:

«...Известие о «катастрофе», постигшей «Сирин», признаюсь, поразило меня, что называется, «как громом», — писал Брюсов Иванову-Разумнику 14 января 1915 года.

«Ясно, что жаловаться — совершенно бесплодно, тем более Вам, также, вероятно, пострадавшему в этой «катастрофе», но трудно и совсем промолчать.

Собрание моих сочинений было единственным моим достоянием, теперь это достояние у меня отнято. В самом деле, иметь 8 разрозненных томов из 25-ти в сто, в тысячу раз хуже, чем не иметь ни одного или иметь все 25. Эти 8 томов на много лет будут препятствием для нового издания, т. к. никто покупать их не станет, и они постоянно будут находиться на книжном рынке. Думать же, что найдется издательство, которое возьмется продолжать издание «Сирина», — совершенно нельзя: изд. «Сирина» было предпринято крайне не экономично, цена тома почти не покрывала его стоимости (Вы это знаете лучше меня), и никто не захочет продолжать такое издание в такой его форме...

Многое я еще мог бы сказать на эту тему, но, повторяю, это — вполне бесплодно. Если «Сирин» решил, по всей строгости нашего договора, выплатить мне неустойку, мне остается только смириться...»²⁷.

30 января того же года Брюсов отправляет из Варшавы второе письмо — П. И. Терещенко, сестре М. И. Терещенко, владельца издательства «Сирин»:

«...Раньше всего прошу извинения, что намерен обратиться к Вам с длинным деловым письмом — по поводу моих отношений с «Сириным». Но — во 1-х, сколько я знаю, Вы принимали непосредственное и деятельное участие в делах «Сирина»; во 2-х, мне неизвестен адрес Михаила Ивановича, и я слышал, что письма к нему не доходят, т. к. он постоянно меняет местожительство, и в 3-х, говоря о своих личных делах, я имею сказать и нечто общее, касающееся вообще отношений «Сирина» — издательства к нам, писателям, — и сказать это я считаю своим долгом, как представитель определенной литературной группы, привлеченной «Сириным» к сотрудничеству в его издании.

Вероятно, Вы вполне сознавали, что «Сирин» ставит меня в положение затруднительное, принимая свое решение — «не издавать стихи, беллетристику, сборники и собрания сочинений» и прекращая, в том числе, издания «Полного собрания» моих сочинений. Но, может быть, Вы не вполне отдавали себе отчет, в какой мере это положение затруднительно, и я без ложного авторского самолюбия (писателям стыдно признаваться, что они зависят от издателей) попытаюсь это выяснить перед Вами. Тогда Вам станет понятна та точка зрения, на которой я стою, и причины, побудившие меня написать это длинное письмо.

«Сирин», издав в течение двух лет 8 томов моего «Собрания сочинений», в той форме и в том виде, как это сделано, и прервав издание, — лишил меня возможности издать полное собрание моих сочинений едва ли не навсегда. Вы знаете лучше меня, что Ваши издания (позвольте для краткости так называть издания «Сирина») исполнены с такой (сравнительно) роскошью и расценены так (сравнительно с числом изданных экземпляров) дешево, что почти не окупают себя. При таких условиях ни одно издательство (разумеется, коммерческое, потому что на иные я не имею права рассчитывать) не возьмется продолжать это издание. В то же время никакой издатель не захочет предпринять и нового издания моих сочинений, пока в продаже будут находиться изданные Вами 8 томов (а на распродажу этих разрозненных томов — мало надежды!). Таким образом, Вы, издав только 8 томов из 25-ти, сделали для меня невозможным и 1) продолжить и закончить Ваше издание, и 2) предпринять новое.

Между тем, собрание моих сочинений было моим единственным достоянием, тем единственным капиталом, который собрал я долгим двадцатипятилетним трудом...».

«...планы теперь разрушены. Можно сказать, — это покажется парадоксом, но это только горестная для меня правда, — что «Сирин» лишил меня моих сочинений. Не буду объяснять при этом (т. к. это вытекает из сказанного), как мало покрывает материальный ущерб, понесенный мною, выговоренная в нашем договоре неустойка...».

«Но к ущербу материальному присоединяется потеря так сказать идейная. Собрать все свои сочинения в одном издании всегда составляет заветную мечту писателя. Пока «Сирин» не предпринимал своего издания, я не сомневался, что

раньше или позже осуществлю это свое намерение, тем более, что подобные предложения уже делались мне несколькими издателями (в том числе, в свое время, «Шиповником»). Теперь, по причинам выясненным выше, я, повидимому, должен отказаться от надежды соединить в одно все, мною написанное. Сочинения моим суждено, по крайней мере при моей жизни, оставаться рассеянными по отдельным книгам, среди них и по 8-ми томам с маркою: «издательство «Сирин»...

Само собой разумеется, что все сказанное в этом письме не есть какой-либо протест против совершившегося факта. Подписывая свой договор с «Сиринным», я находился «в здравом уме и твердой памяти» и поэтому не имею никакого права протестовать против действий «Сирина», вполне добросовестно выполняющего условия этого договора. И, в конце концов, как ни затруднительно для меня то положение, в которое я поставлен решением «Сирина» — прервать издание моих сочинений после 8-ми томов, я, может быть, не стал бы затруднять Вас подробным выяснением его, если бы я не был только одним представителем целой группы. Конечно, мои сотоварищи по Вашему издательству, Ф. Сологуб, А. Ремизов, А. Блок и др., оказались в положении лучшем, нежели я, потому что собрания сочинений Сологуба и Ремизова почти что закончены, А. Блока не начато вовсе, а другие сотрудники «Сирина», А. Белый, Вяч. Иванов и остальные, участвовали пока только в альманахах. Но я думаю, что выскажу их общее мнение (хотя пока имел случай снестись с одним Вяч. И. Ивановым), сказав, что мы, вступая в «Сирин», ожидали иного отношения и к нам и к делу.

Мы все привыкли смотреть на литературу как на нечто чрезвычайно серьезное, как на высочайшее, или хотя бы одно из высочайших, проявление человеческой деятельности. Поэтому с серьезностью относились мы и ко всему, связанному с литературой. Появление «Сирина» мы все живейшим образом приветствовали и, верьте, далеко не потому только, что нам открывалась возможность издавать свои книги на благоприятных для нас условиях. В издательстве, подобном «Сирину», ощущалась в России живая потребность, в виду того, что ряд других издательств, «Скорпион», «Гриф», «Мусагет», «Альциона», отчасти также «Шиповник», по разным причинам, сократили или видоизменили свою деятельность. Целая группа писателей, можно сказать, целое литературное течение временно было лишено одного постоянного издателя (каким, напр., был А. Lemerre для парнасцев или L. Vanier для символистов во Франции). Мы думали и верили, что «Сирин» хочет заполнить этот пробел, хочет среди издательств меркантильных создать надежный приют для тех произведений словесного искусства, которые определяют французы словом: «la haute littérature». Такое предприятие, будучи благородно по своей идее, в то же время и не представляло особой опасности для издателя. Писатели той группы, о которой я говорю, все уже, в той или другой степени, принадлежат к числу давно «признанных», и издание их сочинений, — я на этом настаиваю, — при надлежащем ведении дела, должно было давать издателю никак не убыток, но прямой доход...».

Заканчивая письмо, Брюсов пишет:

«...в том затруднительном положении, в каком я нахожусь, хочется испробовать все, самые малые возможности. Поэтому я решаюсь обратиться к Вам с одним предложением, которое, если оно окажется осуществимым, поможет мне выйти из всех этих трудностей.

Цель, к которой я стремлюсь, издать собрание своих сочинений. «Сирин» отказывается сделать это. Другие издатели, как я выяснил, теперь не захотят взяться за это дело. Остается одно: попытаться издать свои сочинения самому. Это окажется возможным, если «Сирин» захочет мне помочь.

Пока я изложу свой план только вкратце, потому что, если «Сирин» принципиально с ним не согласится, не к чему будет излагать подробности. Я предлагаю «Сирину», и прошу у него, следующее:

1) «Сирин» передает мне в кредит (потому что денег для покупки у меня нет) все оставшиеся у него экземпляры изданных им томов моего «Собрания»,

со скидкой 50% с номинальной цены, и стоимость этих книг записывает как мой долг «Сирину». Уплачивать этот долг я обязуюсь выдачею «Сирину», в определенные сроки, 20% со всех поступлений (денежных), которые я буду иметь с издания.

2) Я принимаю на себя все обязательства «Сирина» перед подписчиками на «Собрание» моих соч., как подписавшимися в рассрочку, так и внесшими полностью подписную сумму. Т. е. я обязуюсь (может быть, в больший срок, чем был установлен «Сиринным») издать остающиеся 17 томов и разослать их подписчикам.

3) В случае, если я не исполню принятых на себя обязательств или не буду аккуратно уплачивать указанные взносы по моему долгу, «Сирин» получает обратно выданные мне книги. (Само собой разумеется, что я обязуюсь также не продавать их «оптом», напр., букинистам, но Вы понимаете, что этого я никогда не сделаю, потому что то значило бы запятнать свое литературное имя, которое мне бесконечно дороже всех возможных денежных счетов!).

Полагаю, что риск для «Сирина» в моем предложении — минимальный. Могу, впрочем (и даже это будет лучше), для окончательного ограждения «Сирина», снять с издания его фирму и продавать продолжение «Собрания» под другой маркой (издательство «Ладья», «Феникс», «Мачта» — как хотите). Притом, конечно, по всему предприятию будут вестись книги, по всем правилам бухгалтерии, которые всегда будут в распоряжении «Сирина»...

Таково мое предложение, в общих чертах, на которое я был бы очень рад получить ответ принципиальный. В случае согласия «Сирина», надо будет выяснить еще много подробностей: мне необходимо будет узнать число остающихся у «Сирина» экземпляров моих книг, число подписчиков в рассрочку и иных, и т. д. и т. д. Но говорить обо всем этом пока преждевременно...»²⁸.

Через три месяца после этого Брюсов, тоже из Варшавы, отправляет письмо К. И. Чуковскому.

Дорогой Корней Иванович!

Давно, очень давно не случалось мне писать Вам. Не знаю даже, дойдет ли до Вас это письмо, т. к. не уверен, что пишу по точному адресу. Но, если Вы прочтете эти строки, примите прежде всего мой дружеский привет: не раз приходилось мне поминать Вас во время моих скитаний по польским дорогам, т. к. иные из этих скитаний совершал я в обществе разных Ваших друзей. Неведомо для Вас, Вы за эту зиму много раз были предметом моих бесед, так что у меня осталось чувство живой связи с Вами.

Пишу Вам по следующему поводу. Вы, вероятно, знаете что изд-во «Сирин», «эфемерно» возникшее, столь же «эфемерно» погубило. Собрание моих сочинений, долженствовавшее иметь 25 (или 30) томов, оборвалось на 8-ми томах, притом разрозненных (I—IV, VII—XII—XIII, XXI). Мои попытки войти в соглашение с некоторыми другими издателями пока «не увенчались успехом». Мне теперь пришлось в голову, что, может быть, мои сочинения захочет дать, в одном из своих приложений, «Нива». Помнится, Вы принимали какое-то участие в ее редакции. Никого другого в ее редакции я не знаю и на случай, если Вы еще имеете отношение к ней, я решаюсь писать Вам. Может быть, Вы сами найдете возможным оказать мне эту услугу — и представить редакции мое предложение; может быть, хотя бы укажите мне — к кому я должен с ним обратиться. Буду весьма и весьма признателен за совет и за содействие. В виду полной неопределенности, как судьбы этого письма, так и моих сведений о Вашем отношении к «Ниве», я здесь не вхожу в подробности. Кратко говоря, я могу в любое время представить материал для 24-х томов, обычного типа приложений к «Ниве» (при чем в том числе будут вещи неизданные, 3—4 тома), и желал бы получить за это по 600 руб. за том, т. е. около 15 000 рублей, с условием — в течение 5 лет после того не издавать другого собрания сочинения. Впрочем, все эти условия

подлежат всяческим пересмотрам и изменениям. Пока мне было бы важно получить ответ принципиальный, а, в случае желания редакции вести со мной переговоры, я приехал бы для того лично в Петроград.

Прошу извинить меня, если еще раз в жизни причиняю Вам некоторое беспокойство, но, повторяю, я, кроме Вас, не знаю никого другого в «Ниве». Во всяком случае, Вы меня очень обяжете уже одним сообщением, с кем можно вести переговоры по моему делу. В Варшаве я пробуду еще не больше 7—8—9 дней, т. е. до 10 (приблизительно) мая; после того на месяц еду отдыхать в Москву, где мой адрес — прежний: 1 Мещанская, 32.

Дружески Вам преданный

Валерий Брюсов²⁹.

В 1917 г. снова был поднят вопрос о выпуске Собрания сочинений В. Брюсова.

«Предпринимает ли «Парус» издание моих сочинений в 10 томов, как об том со мной подробно условился З. И. Гржебин?» — спрашивает Тихонова Брюсов в письме от 27 марта.

6 апреля Тихонов подтверждает Брюсову согласие издать 10 томов его сочинений на тех условиях, с некоторыми поправками, которые Брюсов установил с Гржебиным.

Не получая проекта договора на это издание, Брюсов 25 апреля, между прочим, опять пишет: «...Особенно тяготит меня вопрос об издании моих сочинений. Основываясь на определеннейшем ответе З. И. Гржебина, а, затем, и на Вашем письме (последнем, которое я получил), я уже отказался от нескольких предложений других издательств. Сейчас ко мне обращено еще два таких предложения, правда, второстепенных, но для меня имеющих значение. Имея в виду предполагаемый текст моего договора с «Парусом», я и на эти два предложения должен ответить отказом, и откладывать свой ответ я более не могу. Между тем, окончательного утверждения моего договора с «Парусом» все еще нет, и я не знаю, как должен я объяснить себе это промедление... Добавляю, что я уже приступил к подбору материала для издания моих сочинений и уже составил «рукописи» томов I, II, III и VIII, что все же берет труда и времени не мало (ибо я хочу издание обработать серьезно), и не знаю, продолжать ли мне эту работу...».

2 мая Тихонов вторично посылает Брюсову проект договора с просьбой подписать его, если против его текста нет возражений.

Письмом от 16 мая издательство подтверждает получение от Брюсова подписанного им договора и соглашается на предложенные Брюсовым изменения.

Однако, тяжелые условия с печатанием помешали издательству «Парус» выпустить Собрание сочинений Брюсова, и, с согласия Брюсова, право этого издания было передано Гржебину.

10 января 1918 г. Брюсов получил от «Паруса» следующее извещение:

Настоящим имеем честь сообщить, что мы сегодня получили от Зиновия Исаевича Гржебина 10 000 рублей в возврат уплаченного Вам авторского гонорара под переданное нам право издания полного собрания Ваших сочинений.

Вместе с тем, мы, с Вашего согласия, передали З. И. Гржебину Ваши рукописи и право на издание этих сочинений.

С совершенным уважением

Издательство «Парус»³⁰.

К сожалению, и Гржебин этого издания не смог осуществить, а избранные произведения в трех томах, подготовленные Брюсовым в 1924 г. для ГИЗ, вышли уже два года спустя после смерти поэта под редакцией его жены И. М. Брюсовой, при чем том первый был составлен заново, так как рукопись Брюсова в ГИЗ была затеряна.

Так исполнились слова Брюсова, высказанные им в письме в издательство «Сирин»:

«...я, повидимому, должен отказаться от надежды соединить в одно все,

мною написанное. Сочинениям моим суждено, по крайней мере при моей жизни, оставаться рассеянными по отдельным книгам, среди них и по 8-ми томам с маркою: «издательство «Сирин»...».

18

«Неизвестный, осмеянный, странный», — сказал Брюсов о себе в 1896 г. Ныне он всем известен, он признан, а не осмеян, влиянием его отмечена целая эпоха русской поэзии»³¹.

В этом очерке мы по произведениям Брюсова проследили как бы всю его творческую жизнь.

Рано, но твердо определил он свой путь в жизни — путь поэта, литератора, критика, ученого. Труд был его радостью. Он работал, не зная усталости, приобщившись к самым вершинам знаний и культуры.

Недаром «мужицкая кровь» текла в жилах Брюсова: он инстинктивно воспринял мысль:

«...что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы сами от него научились... что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного детского лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали ее достойною этого имени...»³².

Брюсов, знавший множество языков, любил родной русский язык. Правда, он придал ему некую торжественность, но внес в него и много ценно-образного.

И лучшим доказательством того, какие «муки слова» переживал Брюсов в творчестве, является его известное стихотворение «Родной язык», которое мы приводим в новой, еще не опубликованной редакции, заканчивая им наш очерк о творческих замыслах и литературном наследии Брюсова:

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил.
Меня спасал в часы бессилья,
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев — нежданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тщетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей — отзвук твой!

Случалось, — в жажде святотатства,
С мечом врывался я во храм,
Хотел дробить твои богатства,
Хотел служить иным богам.

Но этот меч — тобой был кован,
Но этот храм твой — весь мой мир!
Вновь побежден, вновь очарован
Благословлю я твой кумир!

И все ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством.

Метнусь навстречу урагану,
 Как птица с трепетным крылом.
 Пусть мощь твоя меня раздавит
 И бросит в придорожный прах,—
 Все ж хоть ничтожный след оставит
 Моя борьба в твоих путях!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Юношескому творчеству Брюсова посвящена печатаемая в настоящем томе «Литературного Наследства» статья Н. Гудзия.
- ² Архив Брюсова. Черновой набросок письма В. Б., 1896.
- ³ Архив Брюсова. Ученическая тетрадь В. Брюсова, стр. 1—2; В. Брюсов, *Моя юность. Повесть*, изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, стр. 70—71; В. Брюсов, *Дневники*, изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, стр. 12.
- ⁴ В. Брюсов, *Дневники*, стр. 28, 33, 47.
- ⁵ «Учители учителей». Опубликовано в журнале «Летопись», 1917, № 5—9; В. Брюсов, *Наука о стихе, «Альциона»*, М., 1919; Переводы из «Энеиды» в отрывках опубликовывались в журнале «Гермес». «Энеида» полностью (В. Брюсовым переведены семь книг) вышла в издании «Академии», 1933.
- ⁶ Предисловие В. Брюсова к «Снам Человечества».
- ⁷ План «Фильм веков» опубликован — В. Брюсов, *Неизданная проза*, ГИХЛ, 1934, стр. 4—5.
- ⁸ В. Брюсов, *Неизданная проза*, ГИХЛ, 1934.
- ⁹ В. Брюсов, Там же, стр. 5.
- ¹⁰ «Северные Цветы», альманах 5, «Скорпион», М., 1911.
- ¹¹ В. Брюсов, Эули — сын Эули, «Универсальная библиотека», М., 1917.
- ¹² В. Брюсов, *Неизданные стихи*, ГИЗ, 1928, стр. 137.
- ¹³ Н. Ашукин, *Литературная мозаика*.
- ¹⁴ В. Брюсов, *Обручение Даши*, «Универсальная библиотека», М., 1915.
- ¹⁵ Из неопубликованного предисловия В. Брюсова к предполагавшемуся изданию Гржебина: *Собрание сочинений*.
- ¹⁶ В. Брюсов, *Мой Пушкин*, ГИЗ, М., 1929.
- ¹⁷ «Валерию Брюсову. Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта», под редакцией проф. П. С. Когана, М., 1924, изд. КУБС ВЛХИ им. Валерия Брюсова, стр. 14.
- ¹⁸ Письмо Брюсова Тихонову А. Н., издателю «Летописи», 11 октября 1916 г. Публикуется впервые с черновика, хранящегося в архиве Брюсова.
- ¹⁹ «Начало» — рукописный ученический журнал, издаваемый Брюсовым с его товарищем-одноклассником Станюковичем, в гимназии Креймана. Станюкович, по словам Брюсова, первый познакомил его с основами стихотворства.
- ²⁰ Из стихотворения Д. Мережковского.
- ²¹ Ср. «Памятник» в сборнике «Семь цветов радуги».
- ²² Сведения заимствованы из «Московской Газеты» 16 мая 1914 г. — «Пьеса В. Брюсова». В «Русских Ведомостях» 31 мая 1914 г. сообщено, что пьеса эта названа автором «Двадцать тысяч».
- ²³ Сведения заимствованы из «Биржевых Ведомостей» 24 сентября 1915 г. — «Новая драма Брюсова».
- ²⁴ Вяч. Полонский, *Литературное движение октябрьского десятилетия. — Печать и Революция*, 1927, VII, стр. 21.
- ²⁵ Перепечатано из книги Н. Ашукин, В. Брюсов, стр. 313—315, где был использован материал: К. Бальмонт, — «Утро России», 1913, № 179; В. Брюсов, *Право на работу*, — «Утро России», 18 августа 1913 г., № 190.
- ²⁶ См. выше, стр. 461.
- ²⁷ Письмо Брюсова Р. В. Иванову-Разумнику 14 января 1915 г. Публикуется впервые с черновика, хранящегося в архиве Брюсова.
- ²⁸ Письмо Брюсова Полине Ивановне Терещенко 30 января (12 февраля) 1915 г. Публикуется впервые с черновика, хранящегося в архиве Брюсова.
- ²⁹ Письмо Брюсова К. И. Чуковскому 2 мая 1915 г. Публикуется впервые с черновика, хранящегося в архиве Брюсова.
- ³⁰ Переписка Брюсова с А. Н. Тихоновым (изд. «Парус»). Публикуется впервые по материалам, хранящимся в архиве Брюсова.
- ³¹ В. Л. Львов-Рогачевский, Рецензия на I том Собр. соч. Брюсова, — «Современник», 1913, № 8.
- ³² К. Д. Ушинский. *Собрание педагогических статей*, СПб., 1875.